АЛЕКСАНДРЪ II-й

ЦАРЬ ОСВОБОДИТЕЛЬ.

издалъ Графъ Милорадовичъ.

бывшій флигель-адъютантъ Е. И. В.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1898.

АЛЕКСАНДРЪ II-й

ЦАРЬ ОСВОБОДИТЕЛЬ.

издалъ Графъ Милорадовичъ.

бывшій флигель-адъютантъ Е. И. В.

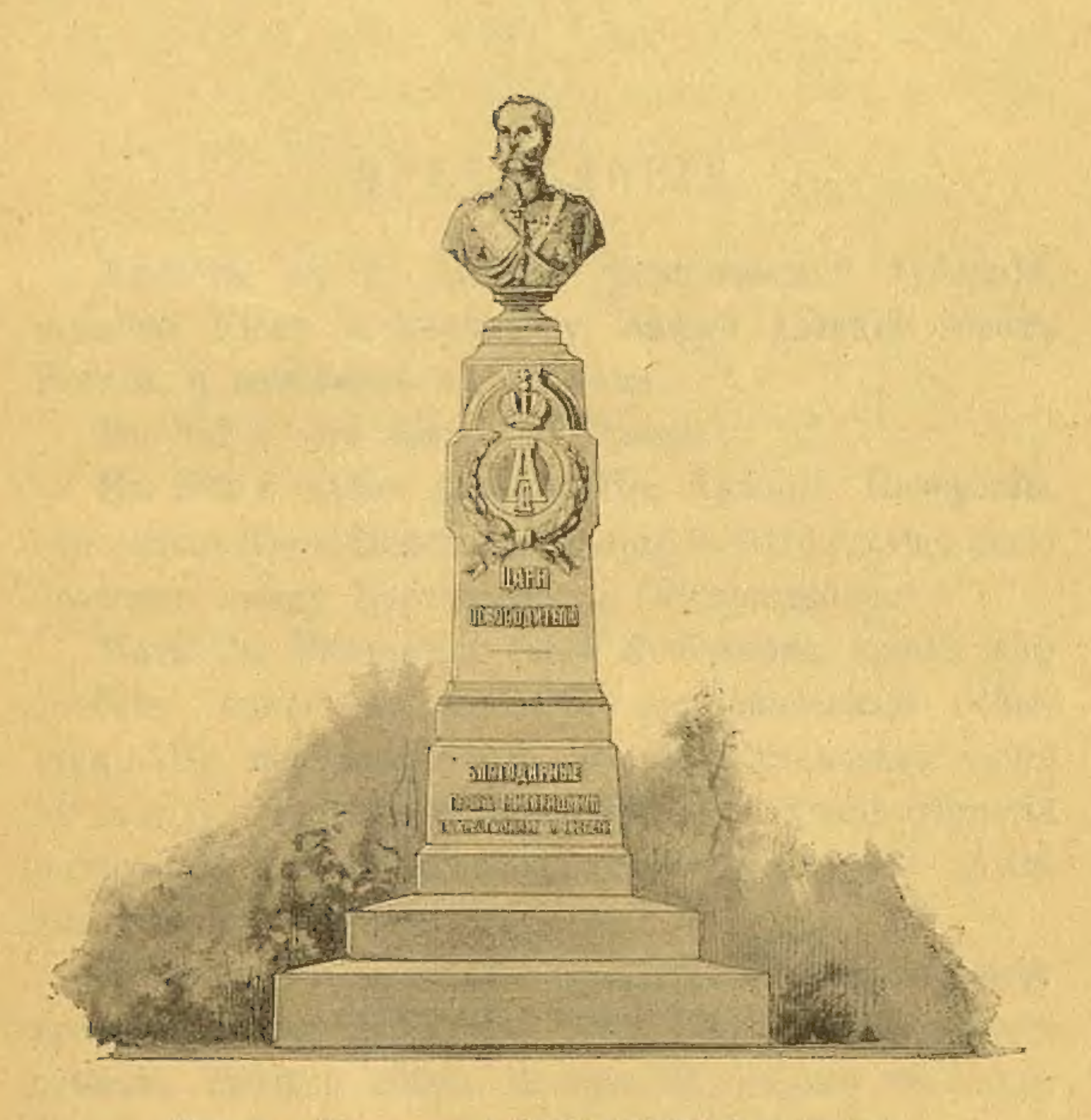

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1898.

Дозволено Цензурою. С.-Пб., 30 Марта 1898 г.

Монументъ Императору АЛЕКСАНДРУ II въ Любечѣ.

Онъ порѣшилъ въ умѣ державномъ,
Возсѣвъ на прадѣдовскій тронъ,
Поставить въ царствѣ православномъ
Свободу, право и законъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Любечъ, на р. Днѣпрѣ Черниговской губерніи, подобно Кіеву и Чернигову, самый древній городъ Россіи, и извѣстенъ съ IX вѣка.

Въ 882 г. его покоряетъ Олегъ.

Въ 983 г. здѣсь родился Пр. Антоній Печерскій, основатель Кіево-Печерской Лавры, въ 1016 г. здѣсь было сраженіе между Ярославомъ и Святополкомъ.

Мать Св. Владиміра была Любечанка, кромѣ того Любечъ извѣстенъ многими историческими событіями. Не перечисляя ихъ, скажемъ нѣсколько словъ по поводу издаваемой брошюры по случаю открытія памятника Царю Освободителю—Императору Александру II.

Любечъ имѣетъ счастіе ставить на площади между тремя церквами монументъ Тому, Кто для всѣхъ насъ сдѣлалъ столько добра, сколько не сдѣлалъ ни одинъ Царь.

Крестьяне мѣстечка Любеча, совмѣстно съ владѣльцемъ мѣстечка Любеча Графомъ Григоріемъ Александровичемъ Милорадовичемъ, Генералъ-Лейтенантомъ, бывшимъ Флигель-Адъютантомъ и Генераломъ Свиты Императора Александра II, соорудили монументъ по

*

проекту Профессора Лаверецкаго. Министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, 23 Февраля 1898 г. докладывалъ о семъ Его Величеству.

Его Величество Государь Императоръ Всемилостивѣйше принялъ изображеніе сооружаемаго памятника, на самомъ докладѣ Высочайше соизволилъ Собственноручно начертать «**прочелъ съ удовольствіемъ**».

27 Февраля 1898 г. Его Величество принималъ, въ Зимнемъ Дворцѣ, депутацію Черниговскаго Дворянства, поднесшую двѣ иконы Св. Ѳеодосія Черниговскаго, въ числѣ коей находился Генералъ-Лейтенантъ Графъ Милорадовичъ (бывшій Черниговскій Губернскій Предводитель Дворянства), и Его Величество благодарилъ Гр. Милорадовича, за монументъ, воздвигаемый его Великому Дѣду.

Книжка—Памяти Александра II—Царя Освободителя, была издана въ Кіевѣ въ первый разъ въ 1881 г. и прошла не замѣченною, между тѣмъ какъ она трогательно—хорошо—изобразила жизнь и дѣянія Царя-Мученика.

Она была подписана «Одинъ изъ народа». Авторъ ея извѣстнѣйшій въ Россіи библіографъ, многоуважаемый Степанъ Ивановичъ Пономаревъ, живущій съ давнихъ лѣтъ въ г. Конотопѣ, любезно предложилъ мнѣ ее издать вновь.

АЛЕКСАНДРЪ II-й

ЦАРЬ ОСВОБОДИТЕЛЬ.

«Я увѣренъ, что вы сохраните Мнѣ Вашу любовь и преданность навсегда, а когда не станетъ Меня, перенесете ихъ на Наслѣдника Моего».

Вотъ слова Царя-Освободителя, которыя являются теперь духовнымъ завѣщаніемъ...

Всякое завѣщаніе должно быть исполнено, а это тѣмъ болѣе: это завѣщаніе Того, кто для всѣхъ насъ сдѣлалъ столько добра, сколько не сдѣлалъ ни одинъ Царь,—завѣщаніе Того, кто за свою любовь къ Россіи умеръ мученическою смертію... Проходятъ дни, недѣли и мѣсяцы, а предъ глазами нашими неотступно видится Онъ, кроткій Благодѣтель нашъ, падающій подъ злодѣйскимъ ударомъ, среди бѣлаго дня, съ раздробленными ногами и окровавленнымъ лицомъ...

Онъ вѣрилъ, что любовь и преданность къ Нему сохранятся до Его смерти; но общая скорбь о потерѣ Его, но добрыя дѣла въ память Его ясно доказываютъ, что Его любятъ и чтутъ и по смерти Его. А любить и почитать есть за что, особенно когда припомнишь себѣ, что сдѣлалъ для насъ Царь-Мученикъ. Если кому неизвѣстно хорошенько, что именно Онъ сдѣлалъ, такъ вотъ послушайте: здѣсь разсказывается коротко и вѣрно, что было до Него и что стало при Немъ.

1) Война, миръ и коронація.

Покойный Государь Императоръ Александръ Николаевичъ вступилъ на престолъ въ 1855 году, 19 февраля. Тяжелое тогда было время. Четыре государства—Турція, Франція, Англія, Сардинія—вели съ нами уже болѣе года войну; приходилось обороняться намъ со всѣхъ сторонъ, иной разъ въ такой дали, что и въ мѣсяцъ войско не дойдетъ, а дорогъ не было—ни желѣзныхъ, ни шоссе; одѣяніе тяжелое, вооруженіе плохое, и продовольствіе пропадало.... Горько было убѣдиться, что все у насъ такъ плохо; стыдно было, что насъ бьютъ; почти всѣ тогда у насъ пали духомъ, и никто не зналъ, что дѣлать. Но Государь съ первыхъ же дней воцаренія ободрилъ всѣхъ. Полный вѣры въ Бога и въ Россію, Онъ тогда же сказалъ петербургскимъ дворянамъ: «*Твердо уповаю, что Богъ милостію Своею сохранитъ Россію.... Не унывать! Я съ вами, вы со Мною. Господь намъ да поможетъ! Не посрамимъ земли русскія*». Слова эти разнеслись по Россіи и озарили сердца надеждами. Затѣмъ, въ первый же праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, Государь воскресилъ духъ народа Своими милостями: даровалъ множество льготъ бѣднымъ и несчастнымъ людямъ, простилъ разные долги и недоимки, освободилъ заключенныхъ, отмѣнилъ наказанія, облегчилъ участь преступниковъ, а иныхъ и вовсе простилъ. Тепломъ повѣяло на всѣхъ. Россія зашевелилась, просвѣтлѣла и словно удвоилась. Крѣпче прежняго наши стояли и въ Крыму, и на Бѣломъ морѣ, и за Кронштадтомъ, и на краю Сибири; два раза молодецки отбили непріятельскій штурмъ подъ Севастополемъ; 349 дней защищали его больше грудью своею, чѣмъ земляными насыпями, сооруженными во время самой осады; наконецъ, отбивъ шесть приступовъ въ одинъ день, взорвали городъ, и только пылающія развалины его сдали врагамъ. «*И для героевъ есть невозможное*»,—сказалъ Государь и Самъ поѣхалъ осенью въ Крымъ. Передъ поѣздкой писалъ Онъ Главнокомандующему кн. Горчакову: «Я

строжайшимъ образомъ запрещаю дѣлать какія либо приготовленія для смотровъ войскъ. Они и безъ того много перетерпѣли, и потому не хочу, чтобы пріѣздъ Мой былъ имъ въ тягость. Другой цѣли Я не имѣю, какъ лично поблагодарить васъ самихъ и славныя войска за геройскую оборону Севастополя». Пріѣхалъ Онъ къ войскамъ, и первое слово Его къ нимъ было: «*Я горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть Мою храбрую крымскую армію. Благодарю, ребята, за службу! Именемъ Отца Моего и вашего благодарю васъ*». И дрожалъ Его звонкій задушевный голосъ, и войско видѣло, какъ слеза за слезой катились по щекамъ Государя, объѣзжавшаго фронтъ. «*Я горжусь вами*—говорилъ Онъ—*горжусь, какъ непоколебимою опорою отечества*». Въ Севастополѣ, у кладбища, гдѣ успокоились кости 130 тысячъ защитниковъ многострадальнаго города, Онъ вышелъ изъ коляски, обнажилъ голову, набожно крестился и быстро смигивалъ набѣгавшія на глаза слезы; наконецъ склонился надъ могильнымъ холмомъ и зарыдалъ какъ ребенокъ... Уѣхалъ Онъ оттуда, долго не отымая платка отъ глазъ. Какъ это потянуло къ нему севастопольцевъ! Чтобы видѣть Его, до ста офицеровъ и 3737 рядовыхъ раненыхъ вышли изъ больницъ и стали во фронтъ, въ одной только 10-й пѣхотной дивизіи. Узнавъ объ этомъ, Государь вздрогнулъ и растроганный пошелъ по рядамъ, осыпая войска благодарностію. «*Я горжусь вами и счастливъ, что могу лично благодарить васъ за геройскую службу вашу; давно Я желалъ этого*». Непрерываемое ура гремѣло въ полкахъ.

«Ура! единымъ появленьемъ
Ты рать Свою одушевилъ!
Прекрасенъ самоотверженьемъ
Явился Ты средь бранныхъ силъ...
Тамъ посѣтилъ страдальцевъ славы,
И язвы ихъ за честь державы
Цѣлилъ отеческой слезой,
И храбрыхъ крестъ, награду боя,

Съ своей груди на грудь героя
Надѣлъ державною рукой!» *).

Осмотрѣвъ войска, Государь посѣтилъ всѣ лазареты и вездѣ благодарилъ, утѣшалъ, награждалъ, иныхъ обнималъ и цѣловалъ; разспрашивалъ кавалеровъ и раненыхъ; особенно ласковъ Онъ былъ къ матросамъ, ихъ семействамъ, первымъ защитникамъ Севастополя. Генералъ Семякинъ писалъ потомъ въ частномъ письмѣ: «Государь нашъ, среди солдатъ и офицеровъ, былъ гораздо проще, любезнѣе и добрѣе каждаго изъ нашихъ корпусныхъ».—Полтора мѣсяца пробылъ Онъ въ Николаевѣ и Крыму и наконецъ, оставляя армію, издалъ приказъ, въ которомъ горячо благодарилъ всѣхъ защитниковъ Севастополя. Онъ крѣпко жалъ руки всѣмъ начальствующимъ, благодарно цѣловалъ ихъ, выражалъ безпредѣльное изумленіе геройской службѣ арміи... *«Прощайте! Я бы отъ души желалъ остаться посреди васъ, но это дѣло невозможное»*... и уѣхалъ, обливаясь слезами... Рыданія Его подали надежду на миръ.—Посѣщеніе Его удвоило силы арміи. Непріятель призадумался, притихъ, и ему было тяжело. Всѣ государства видѣли, что ужъ слишкомъ много крови пролито—и дѣла въ застоѣ. Государь нашъ зналъ, что у насъ дома столько непорядковъ, что надо, какъ говоритъ пословица, хоть полу отрѣзать, да избавиться отъ враговъ и на свободѣ заняться своимъ хозяйствомъ... Начались переговоры о мирѣ. Условія мира предложены были намъ тяжелыя; горько было Государю начинать Свое царствованіе принятіемъ ихъ; но миръ въ то время былъ необходимъ для блага Россіи. Не въ мочь становилось одному противъ четырехъ бороться, а тутъ еще и сосѣдъ былъ хуже врага (Австрія). И Государь, горячо любившій Россію, предпочелъ не легкій миръ тяжкой войнѣ, и въ день Благовѣщенія 1856 года объявилъ народу о заключеніи мира.

«Сердца царей въ десницѣ Бога силъ!
По сердцу прекратилъ Царь бранную тревогу.

*) Это было съ княземъ Святополкъ-Мирскимъ.

Не побѣдилъ насъ врагъ, вражду Онъ побѣдилъ!
Миръ людямъ на земли и слава въ вышнихъ Богу!»

Въ манифестѣ о мирѣ Государь успокоивалъ всѣхъ, что уступки наши неважны въ сравненіи съ тягостями войны и съ выгодами, которыя обѣщаетъ успокоеніе Державы. Государь выражалъ надежду, что совокупными стараніями Его и всѣхъ подданныхъ благоденствіе Россіи будетъ упрочено; этимъ Государь какъ бы подавалъ руку народу на общую работу. И мысль, что Государь и народъ будутъ вмѣстѣ трудиться надъ поднятіемъ Россіи изъ развалинъ, сильно поощрила народное чувство, и народъ радостно устремился къ своему молодому Государю.

Только послѣ заключенія мира Государь назначилъ день Своего коронованія—26 августа 1856 года. Передъ коронаціей, въ Москву прислано было со всѣхъ концовъ Россіи до *тридцати пяти тысячъ* всеподданнѣйшихъ прошеній. Узнавъ объ этомъ наканунѣ коронаціи, Государь со слезами на глазахъ обратился къ статсъ-секретарю и сказалъ ему: «*Боже, сколько нуждающихся! Постарайтесь, прошу васъ, сдѣлать для каждаго все, что только возможно*»...

А самый день коронаціи былъ день такой всеобщей радости, такихъ щедрыхъ и великихъ милостей, какъ никому и во снѣ не грезилось. Царскій манифестъ о коронаціи... это не манифестъ былъ, а какой-то праздничный, высокоторжественный благовѣстъ, въ которомъ слова «*отмѣнить, простить, возвратить*» звучали всего громче и веселѣе. Слушая ихъ, люди плакали отъ радости, и слезы мѣшали читать добрыя строки о святыхъ безчисленныхъ милостяхъ. И какъ было не плакать! Сердце Государя обняло весь народъ, согрѣло и обласкало людей всѣхъ сословій, всѣхъ вѣръ, всѣхъ народностей, отыскало несчастныхъ въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, на всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи, и озарило ихъ отрадой и надеждой. За чтеніемъ манифеста чужіе, незнакомые становились какъ бы одною семьею; разныя сословія собирались вмѣстѣ и пировали, сіяя восторгомъ; праздникъ Царя былъ

праздникомъ всякаго; весь народъ единодушно благословлялъ своего Отца-Государя. Вотъ одно тогдашнее слово объ этой порѣ:

«Шумя народъ ликуетъ вновь,
Повсюду радость, счастье льется,
Съ ступеней трона раздается
Прощенье, милость и любовь.
Въ страну снѣговъ и запустѣнья,
Въ страну изгнанья и скорбей
Достигло слово всепрощенья,
Звучитъ залогомъ избавленья
Отъ мукъ, страданій и цѣпей.
И всюду кликъ благодаренья,
Все блещетъ, движется, живетъ.
И въ храмъ молиться съ умиленьемъ
За жизнь Царя, въ живомъ волненьи,
Стремится радостный народъ.
И мы съ душой нелицемѣрной
Къ Тебѣ, Богъ истины и силъ,
Несемъ слова мольбы усердной:
Чтобъ Ты хранилъ защитой вѣрной
Того, Кто правду возлюбилъ,
Кто міру миръ далъ и свободу,
Кто свѣтъ науки оживилъ
И вновь объятія народу
Съ любовью отческой открылъ»...

2) Освобожденіе крестьянъ.

Послѣ коронаціи Государь обратилъ свое вниманіе прежде всего на простой народъ, на крестьянъ. Онъ видѣлъ въ нихъ главную силу, на счетъ которой жило все государство, а между тѣмъ они были въ забвеніи, въ загонѣ. Крѣпко жаль и больно Ему было видѣть ихъ въ тяжеломъ положеніи. Около 23 милліо-

новъ народа, со всѣми его семействами, принадлежало помѣщикамъ. Крѣпостные крестьяне, вмѣстѣ съ государственными, составляли почти половину тогдашняго населенія Россіи: помѣщиковъ же насчитывалось около 100 тысячъ. Земля, на которой жили крестьяне, была помѣщичья; за пользованіе ею и за то, что помѣщики платили за крестьянъ подати, крестьяне имъ по нѣскольку дней въ недѣлю даромъ работали, давали подводы, доставляли имъ птицу, скотъ, приносили масло, яйца, пряжу, холсты и многое другое, безъ всякой платы и безъ спасиба. Пользуясь всѣмъ этимъ, помѣщики еще могли продавать самихъ крестьянъ, наказывали ихъ тѣлесно, сдавали по произволу въ солдаты, ссылали на поселеніе. Крестьяне не могли сами собою жениться, ни распоряжаться своимъ добромъ, ни дѣлать завѣщаній и не находили себѣ защиты отъ самыхъ жестокихъ притѣсненій; иногда они и пробовали жаловаться, да толку не было: суды были совсѣмъ не такіе, какъ теперь; притомъ помѣщики, гдѣ надо, деньгами все замазывали. Но покойный Государь имѣлъ у Себя хорошихъ наставниковъ (за одного изъ нихъ—Василія Жуковскаго—всѣ, братцы, молите Бога), многое Государь слышалъ отъ нихъ, иное читалъ Самъ, много ѣздилъ по Россіи, былъ и въ Сибири,—и зналъ Онъ довольно горе народное. Онъ былъ свидѣтелемъ постоянныхъ заботъ Своего Отца, императора Николая, какъ бы освободить крестьянъ. Императоръ Николай, обладавшій желѣзною волею и твердымъ характеромъ, хотѣлъ потому еще совершить освобожденіе, что онъ не надѣялся, чтобы такое трудное дѣло могло быть исполнено послѣ его смерти. Онъ шесть разъ собиралъ комитеты, издалъ болѣе ста постановленій, а дѣло почти съ мѣста не тронулось. Всетаки Его мѣры расшатывали крѣпостное право; слухи о свободѣ проникали въ общество, доходили до крестьянъ, крестьяне иногда волновались, сопротивлялись помѣщикамъ, бѣгали отъ нихъ; правительство часто затруднялось, чью сторону держать ему; помѣщики опасались и правительства и крестьянъ;—словомъ сказать: крѣпостное право становилось не-

удобнымъ и для крестьянъ, и для помѣщиковъ, и для правительства. Вотъ почему мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго права давно уже занимала Государя Александра Николаевича. А послѣ заключенія мира, Ему прежде всего захотѣлось исполнить то, что покойный Родитель Его всегда желалъ. Онъ обратился къ дворянамъ съ милостивымъ выраженіемъ полнаго довѣрія, старался привлечь ихъ къ Себѣ и посредствомъ ихъ произвести освобожденіе крестьянъ. «*Я увѣренъ*—говорилъ Онъ—*что дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ благороднымъ сословіемъ и будетъ въ началѣ всего добраго... Крѣпостное право не можетъ продолжаться вѣчно, и потому лучше, чтобы это преобразованіе сдѣлалось сверху, чѣмъ снизу*». Спачала Онъ почти никого не имѣлъ, кто бы помогъ Ему, а было очень много людей, которые употребляли всѣ усилія, чтобы помѣшать Ему. «*Но дѣло это*—говорилъ Государь—*Меня постоянно занимаетъ; надо довести его до конца; Я болѣе чѣмъ когда либо рѣшился*». И началъ Онъ его скромно и осторожно; многіе думали, что оно станетъ; но Государь не упускалъ случаевъ подвигать его, подбиралъ сочувствующихъ людей, настаивалъ, чтобы не откладывали дѣла въ дальній ящикъ, назначилъ Своего Брата членомъ, потомъ предсѣдателемъ комитета и не разъ повторялъ: «*Это моя непремѣнная воля... Я желаю только блага Россіи*». Первые вызвались на это дѣло дворяне западныхъ губерній, потомъ нижегородскіе, петербургскіе, московскіе, а за ними и всѣ другіе стали соглашаться на волю крестьянъ, только безъ земли; но Государь хорошо понималъ, что бездомные крестьяне будутъ вредны и для помѣщиковъ и для государства, что безъ земли крестьянамъ не прожить, и убѣждалъ дворянъ уступить нѣкоторую часть земли, по выкупу, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при помощи казны. Государь твердо настаивалъ на томъ, чтобы надѣлить крестьянъ землею. Онъ поручилъ помѣщикамъ въ каждой губерніи составлять изъ себя комитеты для обсужденія, какимъ бы родомъ получше его устроить. Весьма трудно было вести это дѣло, трудно

по самой обширности Россіи, по разнородности ея населенія и обычаевъ, по недостатку необходимыхъ свѣдѣній, по затруднительности путей сообщенія и проч. Ну, спасибо добрымъ людямъ: поддержали они Царя. Почти 4 года думали надъ этимъ дѣломъ выборные дворяне по 46 губерніямъ, потомъ въ Петербургѣ, вмѣстѣ со многими вельможами. Позволивъ обсуживать и измѣнять разныя подробности дѣла, Государь отнюдь не дозволялъ измѣнять его главнаго смысла, т. е. освобожденія съ землею. «*Съ этимъ дѣломъ*—говорилъ Онъ—*связано будущее благо Россіи: Я увѣренъ, что вѣрное Мое дворянство съ усердіемъ будетъ Мнѣ содѣйствовать. Съ полнымъ довѣріемъ къ вамъ началъ Я это дѣло. Я знаю, что дѣло не можетъ окончиться безъ пожертвованій; но Я хочу, чтобы жертвы эти были какъ можно менѣе чувствительны. Буду стараться вамъ помочь и жду вашего содѣйствія*». Наконецъ дѣло поступило въ Государственный Совѣтъ на окончательное разсмотрѣніе; тамъ Государь сказалъ превосходную рѣчь и между прочимъ вотъ что: «*Я желаю, чтобы великое дѣло совершилось безобидно и удовлетворительно для всѣхъ... Откладывать этого дѣла нельзя. Это Моя непремѣнная воля, чтобъ дѣло это теперь же было кончено... Я не могу не удивляться и не радоваться тому довѣрію и спокойствію, какое высказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ... Я не забываю и не забуду, что приступъ къ дѣлу сдѣланъ былъ по вызову самого дворянства, и Я счастливъ, что Мнѣ суждено свидѣтельствовать объ этомъ предъ потомствомъ. Я готовъ принять ваши замѣчанія, но прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ. Крѣпостное право у насъ прежде не существовало: право это установлено Самодержавною Властью, и только Самодержавная Власть можетъ уничтожить его, а на это есть Моя прямая воля. Я не скрывалъ отъ Себя и не скрываю всѣхъ затрудненій; но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный*

въ святости этого дѣла, Я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества».

Надо правду сказать: между помѣщиками и вельможами были и такіе, что перечили дѣлу. «Крестьянъ—молъ—освободить нельзя, потому-что они не образованы, а образовать ихъ нельзя, потому-что они крѣпостные; освобожденіе, значитъ, преждевременно»...

«Намъ рано, рано!» въ злобѣ страстной
Кричалъ, испуганъ, барства цвѣтъ;
—Пора! сказалъ Онъ имъ въ отвѣтъ.
Махнулъ рукой Своей всевластной—
И бысть въ Россіи свѣтъ!»

19 февраля 1861 г. Царь подписалъ манифестъ, и какъ солнышко засіяла воля народу. Господи! сколько святой радости было тогда по всей Россіи! Свѣтлый Праздникъ да и только! И можетъ быть, великій постъ отчасти сдерживалъ восторженную радость народа. Откупщики было крѣпко надѣялись на хорошую поживу. Но умный народъ скромно, душевно радовался. Нѣкоторые помѣщики было струхнули, уѣзжали изъ помѣстій въ города,—а крестьяне добродушно подсмѣивались и говорили: «Вотъ, думаютъ, что бунтовать станемъ... Съ чего жь намъ бунтовать? Царь волю даетъ—такъ и бунтовать? Да что мы нехристи, что ли? А откупщики небось думаютъ, что мы все вино попьемъ. Безпремѣнно, молъ, натрескаются на радости-то... Держи карманъ, какъ-же!... Мы трехдневными молебнами встрѣтимъ волю, молебнами за здоровье нашего Царя-батюшки... Вотъ Царемъ какимъ наградилъ насъ Господь!... Вотъ это ужъ какъ есть Царь—Ангелъ Божій!»

Много хорошаго было написано тогда объ этой радости всероссійской, но чуть ли не всего лучше вотъ это маленькое слово князя Одоевскаго къ самому Царю:

«Тобой свершилося желанное вѣками;
Возрадовалась Русь, довольна и горда,
И празднуетъ народъ... молитвой и слезами
Великій первый день свободнаго труда!»

Чувства освобожденнаго народа кто-то передалъ въ хорошенькой пѣснѣ, которую и теперь распѣваютъ дѣти въ школахъ; мы изъ нея выпишемъ лучшія мѣста:.

Ахъ, ты воля, моя воля,
Золотая ты моя!..
Не съ росой ли ты спустилась,
Не во снѣ ли вижу я?
Знать, провѣдалъ нашъ Кормилецъ
Про житье-бытье, нужду!
Знать, увидѣлъ нашъ Родимый
Горемычную слезу!
Богъ храни Тебя, Соколикъ,
Съ слезой радости скажу,
И съ копѣйкой трудовою
Въ церковь Божію пойду;
Тамъ съ молитвою святою,
Передъ образомъ свѣчу
За Тебя, нашъ Ненаглядный,
Солнце красное, зажгу.
На душѣ великій праздникъ
И на всей Руси святой,
Да и на небѣ то ясномъ
Не безъ радости большой!

Да какой еще больше радости? около 23 милліоновъ людей освобождалось изъ кабалы!..Это значитъ по крайней мѣрѣ 45 милліоновъ мужескаго и женскаго пола. Даже теперь, спустя 37 лѣтъ, сердце радостно и какъ-то гордо бьется, вспоминая этотъ великій день освобожденія столькихъ душъ, да еще съ землею. А какъ много значилъ надѣлъ крестьянъ землею, можно видѣть изъ

словъ одного умнаго итальянскаго министра, графа Кавура: «Право на землю, которое Россія даровала своимъ сынамъ, для насъ—европейцевъ—опаснѣе всѣхъ ея армій».

Въ своемъ манифестѣ Государь отдалъ полную честь дворянству: «*Россія не забудетъ, что дворянство добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанской любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостнаго права... Да перейдутъ въ потомство имена вѣрныхъ Мнѣ въ этомъ дѣлѣ сподвижниковъ*». По слову Государя, помянемъ благодарно главнѣйшихъ Его помощниковъ въ этомъ дѣлѣ, хотя однихъ почившихъ: Сергѣя Ланскаго, Владиміра Назимова, Константина Чевкина, графа Дмитрія Блудова, Якова Ростовцева, Степана Жуковскаго, Якова Соловьева, Николая Милютина, Юрія Самарина, князя Владиміра Черкасскаго... Много было и другихъ, и почившихъ и еще здравствующихъ; но сколько ихъ ни было, Государь Самъ лично, *болѣе всѣхъ*, отстоялъ право народа на свободу; объ этомъ Его усердіи мало кто и зналъ. И только недавно разсказано намъ, что и починъ дѣла, и все направленіе его всецѣло принадлежатъ самому Государю Александру Николаевичу, и притомъ лично Ему, безъ всякихъ постороннихъ вліяній. Крѣпостное право рухнуло только по Его Царскому слову. Онъ привлекъ къ дѣлу всѣ живыя силы народа, Онъ позволилъ обсуждать его гласно, Онъ постоянно и неуклонно велъ и подвигалъ его и такимъ образомъ кончилъ дѣло, котораго не могли начать ни Дядя, ни Отецъ Его.

Для наблюденія за правильнымъ надѣломъ земли и составленіемъ между помѣщиками и крестьянами уставныхъ грамотъ (въ которыхъ опредѣлялось количество земли и выкупа), Государь назначилъ особыхъ людей—мировыхъ посредниковъ, которые порядкомъ поддержали крестьянъ. За усадьбу, за полевыя угодья крестьяне выплачивали помѣщикамъ, по частямъ, опредѣленный по взаимному согласію денежный оброкъ. Выкупъ разсроченъ на 49 лѣтъ; а кто могъ, откупался и раньше, и сразу. Государь ве-

лѣлъ казнѣ выдавать крестьянамъ денежную ссуду, заимообразно. Такимъ образомъ казна выдала впередъ 750 милліоновъ рублей, да въ пользованіе народа на общинномъ правѣ поступило около 120 милліоновъ десятинъ земли. Домъ и дворъ каждаго крестьянина и все, что у него было, принадлежало уже ему самому. Обрабатывая свою землю, занимаясь дома, онъ пользовался заработками для себя, для семьи, для общества. Понятно, что каждый добросовѣстный, работящій человѣкъ скоро сталъ бодрѣе духомъ, здоровѣе, зажиточнѣе. Крестьянамъ даровано право производить, безъ особыхъ пошлинъ, разрѣшенную имъ торговлю, открывать и содержать фабрики и разныя промышленныя и ремесленныя заведенія, записываться въ гильдіи, заниматься подрядами и проч. Дѣтямъ ихъ дорога къ наукѣ открыта, на службу тоже; и не одинъ уже изъ нихъ, слава Богу, сталъ и умнымъ человѣкомъ и добрымъ господиномъ. Полное освобожденіе могло бы окончиться вполнѣ спокойно; но къ сожалѣнію разные проходимцы и просто негодяи кое-гдѣ смущали темный довѣрчивый народъ, что это, молъ, еще не настоящая воля; но Государь, въ своихъ поѣздкахъ по Россіи, Самъ не разъ объявлялъ волостнымъ старшинамъ, что это ихъ обманываютъ дурные люди и что другой воли не будетъ.

Такимъ образомъ Государь создалъ въ Россіи народъ, котораго—можно сказать—дотолѣ у насъ не существовало.

Въ дополненіе народной радости, Государь въ 1863 году отмѣнилъ всякія тѣлесныя наказанія, которыя до тѣхъ поръ налагались по суду на лицъ податныхъ сословій. Это необыкновенно подняло духъ народа, пробудило въ самихъ преступникахъ сознаніе своего человѣческаго достоинства.

Замѣтимъ еще и то, что воля, данная Царемъ народу, сдѣлана Имъ не только въ Россіи собственно, но и въ Эстляндіи, и въ Польшѣ, и въ Литвѣ, и на Кавказѣ, и за Кавказомъ, и въ Хивѣ, и въ Бухарѣ, и въ Кокапѣ, и въ киргизскихъ степяхъ, и въ Туркестанѣ, другими словами—у православныхъ, у римскихъ католиковъ, у магометанъ, у язычниковъ. По крайней мѣрѣ до 30 мил-

ліоновъ народа Царь освободилъ и, такъ сказать, поставилъ на ноги. И ужь что бы иные ни толковали объ этомъ освобожденіи крѣпостныхъ, а у насъ оно сдѣлано лучше, чѣмъ во всемъ свѣтѣ. Сами иностранцы тогда же говорили: «Ни въ одной странѣ законодательство не произвело ничего подобнаго русскому освобожденію крестьянъ». Скажемъ же и мы спасибо Царю-Освободителю и по смерти Его! Пошли, Господи, царство Ему небесное!...

3) Земское и городовое положеніе.

Жить на свѣтѣ каждому только для себя невозможно. Сами знаете, надо, чтобы у насъ было и войско для защиты, и судьи, и школы, и больницы, и почты, и мало-ли что еще. На все это собираются подати. Прежде, бывало, вносилъ человѣкъ подати, отбывалъ повинности, платилъ, что ему скажутъ и прикажутъ, и не видалъ, на что все это идетъ и такъ ли, какъ слѣдуетъ, расходуется. Не было у насъ права—сообща обсуждать свои общественныя нужды и правильно, по мірскому разуму, разлагать на всѣхъ повинности. Ну и бывало такъ, что иной богачъ платилъ пустяки, а у бѣдняка брали чуть не послѣднее, многія тысячи мірскихъ денегъ шли не туда, куда слѣдовало бы, и не на свои общественныя потребности. А коли нужно было городу или уѣзду сдѣлать что либо для себя, пиши въ губернію, а то и въ Петербургъ, и проси разрѣшенія; а разрѣшеніе приходило иногда черезъ годъ,—хозяйство общественное запускалось, и плохо было во всѣхъ статьяхъ. Зналъ все это Государь и сдѣлалъ вотъ что: для того, чтобы въ повинностяхъ и раскладкахъ уровнялись всѣ, чтобы все нужное дѣлалось своевременно и чтобы мірскія деньги расходовались гласно, повелѣлъ Онъ, чтобы постепенно во всякой губерніи, во всякомъ уѣздѣ, общество избирало выборныхъ, гласныхъ, земскихъ людей, безъ различія сословій, народностей и вѣръ; изъ этихъ выборныхъ составлялись губернскія и уѣздныя земскія собранія, въ нихъ являлись вмѣстѣ и дворяне, и духов-

ные, и купцы, и разночинцы, и крестьяне,—и всѣ получили одинаковыя права—обсуждать и удовлетворять свои общественныя нужды и потребности, налагать подати по мірскому приговору, завѣдывать сообща уѣзднымъ и губернскимъ хозяйствомъ, т. е. распоряжаться земскими имуществами, капиталами, строить и содержать общественныя зданія, дороги, принимать мѣры для обезпеченія народнаго здоровья, продовольствія, образованія, торговли и проч. Для исполненія своихъ постановленій и для наблюденія за хозяйствомъ, каждое земское собраніе избираетъ изъ себя нѣсколькихъ лицъ, составляющихъ Управу; дѣйствія Управы повѣряетъ земское собраніе на своихъ годичныхъ съѣздахъ; съѣзды созываются еще всякій разъ, какъ потребуютъ обстоятельства.—То же самое, что сдѣлано для уѣздовъ, сдѣлано потомъ и для городовъ. Городское хозяйство ввѣрено выборнымъ собственникамъ, отъ всякаго званія и состоянія; изъ этихъ выборныхъ образовались городскія думы (соотвѣтствующія земскимъ собраніямъ); думы изъ среды себя избрали управителей—гласныхъ и городскаго голову, которые составили собою городскія управы. Крестьянамъ еще раньше дано особое управленіе; по селамъ дѣлами у нихъ завѣдывали сельскіе и волостные сходы, управы, волостной судъ, а въ городахъ—особыя уѣздныя и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Все это Государь устроилъ въ томъ убѣжденіи, что хозяйственныя дѣла любаго края могутъ успѣшно идти только тогда, когда ими завѣдуютъ сами жители, хорошо знающіе другъ друга и свои потребности. И убѣжденіе Государя оправдалось вполнѣ: съ 1866 года вездѣ подати раскладываются правильнѣе, ровнѣе; на общественныя деньги заводятся больницы, устраиваются школы, пріюты, училища, гимназіи, на однѣ школы—сельскія общества и земства расходуютъ болѣе 4-хъ милліоновъ рублей. Во многихъ мѣстахъ вводится взаимное земское страхованіе; являются кредитныя общества, приходскія попечительства, пѣвческіе хоры. Города завели уличное освѣщеніе, мостовыя, водопроводы, конно-желѣзныя дороги и т. п.; такимъ

образомъ они выросли, похорошѣли, разбогатѣли; глядя на большіе города, понемножку подтягиваются и малые; до чего не додумаются одни, тому научаютъ ихъ другіе. А самое главное: при такомъ порядкѣ дѣлъ, сословія сближаются, города и уѣзды соревнуютъ другъ передъ другомъ; сила государства ростетъ; самостоятельный народъ становится цѣльнѣе, предпріимчивѣе, смышленѣе, сильнѣе. Правда, добро отъ этихъ порядковъ пока еще не вездѣ, и не совсѣмъ устроилось: не легкое вѣдь дѣло, и средства не вездѣ одинаковыя, и денегъ на это нужно много. Но ужъ начало положено доброе, прочное, и чѣмъ дальше, тѣмъ—дастъ Богъ—будетъ больше и лучше. Опять спасибо Царю-Освободителю. Упокой, Господи, Его душу!

4) Новый судъ.

А чтобы и при такихъ порядкахъ не было кому нибудь обиды отъ другого при старомъ-то судѣ, Государь далъ народу новый судъ. Прежде, бывало, судъ велся въ тайнѣ и только по бумагамъ; очныхъ ставокъ истца съ отвѣтчикомъ не допускалось, дѣла рѣшались часто по одному произволу судей, а всего чаще—секретаря. Часто судьи, въ угоду сильному и богатому, кривили своею душою, ломали совѣсть и законъ; отъ этого перѣдко виновные оправдывались, а невинные страдали. Каждый могъ быть арестованъ безъ суда и посаженъ въ тюрьму на цѣлые мѣсяцы. И народъ недаромъ говорилъ: «Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись»; «Отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся»; «До Бога высоко, до Царя далеко». Но въ то же время народъ издавна и твердо вѣрилъ, что «Гдѣ Царь, тутъ и правда», и думалъ въ безвыходной скорби:

«Ты бъ насъ, вѣрно, не далъ никому обидѣть.
Да вѣдь гдѣ жъ, Родимый, одному все видѣть!»

Зналъ все это Государь,—и еще въ манифестѣ о заключеніи мира говорилъ: «*Правда и милость да царствуетъ въ судахъ...*

и каждый, подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ». Еще въ 1860 году Онъ отдѣлилъ отъ полиціи производство слѣдствій по преступленіямъ и назначилъ для него особыхъ лицъ—судебныхъ слѣдователей. А въ 1864 году далъ народу новый судъ, правый, скорый, милостивый и для всѣхъ равный, и сдѣлалъ Онъ это вотъ какъ: судебную власть отдѣлилъ отъ управляющей; всякому земскому собранію велѣлъ выбирать судей изъ своего общества, которые прежде всего старались бы рѣшать дѣла миромъ; судьямъ далъ хорошее содержаніе, въ 10 и 12 разъ больше прежняго. Для рѣшенія малыхъ дѣлъ назначены мировые судьи, съѣзды мировыхъ судей; для большихъ и уголовныхъ дѣлъ устроены окружные суды и судебныя палаты, тутъ ужъ судьи отъ правительства. Для охраненія закона, для соблюденія общественнаго спокойствія, разборъ преступленій порученъ прокурорамъ (обвинителямъ), независимымъ отъ суда. Судъ вездѣ производится словесно, открыто, гласно. Всякому обвиняемому дано право защищать себя, ссылаться на свидѣтелей для подтвержденія его словъ; а кто не умѣетъ самъ за себя спокойно и твердо заступиться, можетъ найти для себя защитника—присяжнаго повѣреннаго (адвоката), а нѣтъ у него средствъ для этого, ему въ помощь само правительство даетъ защитника. Для справедливаго разсмотрѣнія дѣлъ большихъ, уголовныхъ, избираются изъ всѣхъ сословій 12 присяжныхъ засѣдателей, которые совершенно свободно, по единой совѣсти, обсуживаютъ всякое дѣло, кто бы ни былъ въ немъ замѣшанъ; и только тогда, когда *они* скажутъ: «*виновенъ*», судъ назначаетъ наказаніе по закону. Мало того: недоволенъ ты рѣшеніемъ по твоему дѣлу мироваго судьи, тебѣ дается право перенести его на разсмотрѣніе мироваго съѣзда; недоволенъ ты приговоромъ окружнаго суда, ты можешь перенести дѣло въ судебную палату; не поправитъ палата, раскроетъ правду Сенатъ. Для немедленнаго и точнаго исполненія судебныхъ рѣшеній назначены

судебные пристава. Наконецъ, въ помощь суду, для облегченія разныхъ частныхъ сдѣлокъ, учреждены по всѣмъ городамъ нотаріусы, которые даютъ всякимъ договорамъ и сдѣлкамъ полное законное утвержденіе и тѣмъ самымъ не допускаютъ излишнихъ столкновеній и пустыхъ тяжебъ. Всѣмъ этимъ устройствомъ новаго суда достигнуто весьма много хорошаго: теперь уже никто безъ суда не можетъ быть взятъ подъ стражу; въ рѣшеніи дѣла—главнымъ судіею является *народная совѣсть*; рѣшеніе суда объявляется въ слухъ всѣмъ и печатается; за рѣшеніемъ дѣла слѣдитъ все общество; уничтожено гибельное, закоренѣлое взяточничество, противъ котораго доселѣ ничего не могли сдѣлать; участь подсудимаго, даже видимаго преступника, всячески ограждена; ходъ дѣлъ противъ прежняго сократился по меньшей мѣрѣ втрое; подсудимые не томятся по цѣлымъ годамъ въ тюрьмахъ, пока идетъ о нихъ дѣло. Наконецъ, даже для осужденныхъ преступниковъ, Государь уничтожилъ тѣлесныя наказанія и наложеніе клеймъ; вмѣсто этихъ постыдныхъ и безчестныхъ наказаній, Государь велѣлъ взыскивать осужденныхъ преступниковъ штрафами, лишеніемъ свободы, ссылкою, чтобы только не вредили они, не мѣшали другимъ спокойно трудиться. Теперь кто-бы ни былъ ты—не обижай другого; а обидѣлъ—не прогнѣвайся: за обиженнаго встаетъ законъ и потянетъ тебя на судъ. На скамью подсудимыхъ приводили уже и милліонеровъ, и генераловъ, и даже духовныхъ. А на судѣ потачки ужь не было никому. Введеніе новаго суда имѣло послѣдствіемъ, между прочимъ, основаніе исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ. Земское положеніе и новый судъ сблизили сословія: помѣщики и бывшіе ихъ крѣпостные встрѣтились какъ равные въ земскихъ собраніяхъ и въ судѣ, на скамьяхъ присяжныхъ засѣдателей. Земскимъ положеніемъ и новымъ судомъ правительство видимо уступило народу часть своихъ правъ, для его пользы и спокойствія. Съ нѣкоторымъ измѣненіемъ новый судъ введенъ и за Кавказомъ и въ Польшѣ. А если и теперь случается неурядица на судѣ, такъ

въ этомъ уже не судъ царскій виноватъ... Давно ужь сказано:

. . . . . . «Законы наши святы,
Да исполнители—лихіе супостаты».

Новый судъ, данный Государемъ, послужитъ и въ отдаленномъ потомствѣ величайшею честью и славою ему.

По волѣ Государя, каждый изъ насъ сталъ равенъ предъ судомъ и закономъ, какъ передъ Богомъ. Значитъ, Царю всѣ мы были одинаково близки и дороги, какъ отцу дѣти. Суди-же его, Господи, своимъ судомъ милостивымъ и возлюби Его за Его судъ праведный!..

5) Народное образованіе и печать.

Для того, чтобы умѣть съ толкомъ вести дѣла общественныя, по закону творить судъ и расправу, надо многому учиться, а для этого—знать грамоту; грамотный человѣкъ скорѣе узнаетъ законы, и свои права, и обязанности, прочтетъ разныя хорошія книги, и не всякій его обманетъ. Прежде—и книгъ у насъ хорошихъ было мало, и училищъ было немного, и учили въ нихъ незавидно, и учиться не всякому было доступно, не изъ всякаго сословія принимали; студентовъ напр. въ каждое заведеніе болѣе 300 не допускали; объ женскомъ образованіи почти не заботились. А Государь Александръ Николаевичъ въ первый же годъ Своего царствованія *всѣмъ* позволилъ доходить до самыхъ высшихъ наукъ, разрѣшилъ принимать въ университеты неограниченное число студентовъ и принялъ народное образованіе подъ Свое ближайшее наблюденіе. Въ первые годы Онъ велѣлъ, чтобы ему ежемѣсячно представлялись вѣдомости о распространеніи и состояніи народныхъ школъ: такъ близко и важно Ему было образованіе народа; и только лѣтъ черезъ 10, когда оно пошло добрымъ ходомъ, Онъ пересматривалъ эти вѣдомости два раза въ годъ. Не разъ Онъ просилъ и духовенство и дворянство смотрѣть за этимъ дѣломъ, и Самъ

каждый годъ открывалъ разныя учебныя заведенія: школы для мальчиковъ и дѣвочекъ, воскресныя школы для рабочаго народа, начальныя народныя училища, гимназіи, заведенія для учителей, лѣкарей, ветеринаровъ, хозяевъ и наконецъ университеты. За 26 лѣтъ Своего царствованія Онъ открылъ два университета (въ Одессѣ и Варшавѣ) и разрѣшилъ приготовлять третій—въ Сибири; два института для приготовленія учителей (въ Петербургѣ и Нѣжинѣ), лицей—въ Москвѣ, для лѣкарей—медицинскую академію въ Варшавѣ, для ветеринаровъ—училища въ Юрьевѣ, Харьковѣ, Казани; для сельскихъ хозяевъ—земледѣльческую академію въ Москвѣ; семинарій новыхъ завелъ 5, гимназій 53, учительскихъ семинарій 61, реальныхъ училищъ 67, народныхъ училищъ 19.500. Прежде на народное образованіе правительство отпускало 2 милліона, а теперь 16. Народныя школы, можно сказать, созданы въ царствованіе Государя Александра Николаевича. Число грамотныхъ, поступавшихъ въ военную службу, за десять лѣтъ (1860—1870) увеличилось въ пять разъ. Для дѣвицъ—открыты не только школы, епархіальныя женскія училища, гимназіи (274 заведенія), но и особые высшіе курсы, какъ для самихъ студентовъ—въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Казани. Женщинамъ, которыя выучились лѣкарской наукѣ, Государь далъ право практиковать въ земскихъ больницахъ, въ городахъ, получать жалованье, награды и пенсіи. Кромѣ того позволилъ женщинамъ служить на телеграфахъ, въ школахъ и гимназіяхъ. Въ пользу бѣдныхъ студентовъ разрѣшилъ собирать пожертвованія, заводить общежитія, Самъ давалъ средства воспитывать ихъ, и этихъ средствъ не скоро и перечислишь! Приведемъ хоть два примѣра: въ Кіевскую академію Государь назначилъ на 10 душъ ежегодно по 200 р. на каждаго студента, въ Петербургскій университетъ на 100 студентовъ, по 300 р. на каждаго, ежегодно и 20,000 р. тогда же, единовременно для раздачи нуждающимся студентамъ. Учителямъ и профессорамъ Государь разрѣшилъ читать публичныя лекціи, увеличилъ имъ жалованье вдвое и втрое противъ прежняго,

награждалъ ихъ генеральскими чинами и звѣздами, чего прежде и въ поминѣ не было. Когда завелись у насъ горячіе толки, какому образованію быть въ Россіи главнымъ, Государь лично настоялъ, чтобы введено было то, которое принято у самыхъ просвѣщенныхъ народовъ міра, такъ называемое *классическое*, состоящее въ изученіи древнихъ языковъ, приготовляющее изъ дитяти—человѣка съ яснымъ умомъ, благородными понятіями, твердою волею и характеромъ. Въ университетахъ Государь ввелъ нѣкоторыя новыя науки, которыя распространяли въ обществѣ государственныя знанія, далъ университетамъ новый уставъ, по которому онѣ стали сами завѣдывать своими дѣлами, обновились, расширили свою ученую дѣятельность. Имъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ позволилъ получать изъ-за границы всевозможныя книги, печатать сочиненія безъ цензуры, наихъ отвѣтственности. А чтобы и всѣмъ легче было узнавать, что хорошаго гдѣ нибудь сдѣлано или придумано и вообще знать все, что дѣлается на свѣтѣ, Государь разрѣшилъ издавать новые календари, газеты и журналы, которые теперь выходятъ ежедневно, еженедѣльно, ежемѣсячно, ежегодно, и за 26 лѣтъ Его царствованія однихъ газетъ и журналовъ явилось болѣе 700, а до Него ихъ было десятка два. Прежде было запрещались въ печати всякія мнѣнія о дѣлахъ государственныхъ, даже благопріятныя правительству; «*не разсуждать!*» говорили бывало начальники подчиненнымъ, а покойный Государь далъ право—печатно обсуждать всѣ распоряженія правительства. И наша печать только въ Его царствованіе получила большое и широкое значеніе: стало общественною потребностію, подвинула народное развитіе, оказала немалую помощь правительству въ его преобразованіяхъ, наконецъ создала общественное мнѣніе, которое явилось строгимъ судіею исполнителей воли Царской. Да будетъ же безконечная благодарность Тому, Кто далъ намъ возможность безпрепятственно высказывать свое мнѣніе въ печати! Еще бывши Наслѣдникомъ, Государь щедро помогалъ нуждающимся писателямъ и художни-

камъ (Шимкевичу, Гоголю, Иванову, семейству С. Глинки), а ставши Императоромъ, онъ покровительствовалъ имъ постоянно и щедро. И отдѣльнымъ лицамъ и цѣлымъ ученымъ обществамъ—никому не было тѣсно въ Его сердце. Всякій праздникъ науки былъ Его праздникомъ, днемъ великихъ Его милостей. Писателямъ и ученымъ Онъ жаловалъ дорогіе подарки, единовременныя выдачи, пенсіи, землю; назначалъ ихъ на хорошія и почетныя мѣста (недавно напр. проф. Кіевскаго университета Бунге сдѣлалъ товарищемъ министра финансовъ); разрѣшилъ составить общество писателей, которое помогало-бы своимъ бѣднымъ и больнымъ, и Самъ жертвовалъ въ это общество по 1,000 руб. ежегодно. Тѣхъ писателей, которые успѣли послужить своимъ словомъ 50 лѣтъ, награждалъ орденами, звѣздами, позволилъ выбивать въ честь ихъ особыя медали, собирать пожертвованія, чтобы воспитывать бѣдныхъ въ память ихъ заслугъ. Такъ праздновались пятидесятилѣтія кн. Вяземскаго, Востокова, Кеппена, Маслова, Перевощикова, Максимовича, Погодина, Буняковскаго, Брандта, и Срезневскаго. Государь оказывалъ вниманіе не только живымъ, но и умершимъ писателямъ: велѣлъ, чтобы сочиненія ихъ составляли собственность ихъ семействъ въ теченіе 50 лѣтъ; разрѣшалъ торжественно помянуть умершихъ сто лѣтъ тому назадъ—Ломоносова, Карамзина, митрополита Евгенія, Крылова, Котляревскаго, гр. Сперанскаго, Основьяненка; основалъ училище въ память Жуковскаго; разрѣшилъ воздвигнуть и приготовлять общественные памятники Крылову, Пушкину, М. Глинкѣ, Гоголю и Лермонтову; дѣтямъ умершихъ писателей Государь, въ память отцовскихъ заслугъ, давалъ награды, ордена, пенсіи, а малолѣтнихъ велѣлъ воспитывать на казенный счетъ; такъ было съ дѣтьми Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Достоевскаго. Точно также отличалъ Государь ученыхъ, живописцевъ, музыкантовъ, граверовъ (Ковалевскаго, Даля, Погодина, Муравьева, Севастьянова, Иванова, Сѣрова, Уткина, Сѣрякова), однимъ словомъ—всѣхъ людей съ дарованіемъ, усердно трудившихся, и жаловалъ имъ

дорогіе подарки, деньги, пенсіи. Пяти публичнымъ библіотекамъ Онъ производилъ пособіе по 800 руб. ежегодно; Симбирской библіотекѣ разомъ 2,000 руб.; публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ увеличилъ содержаніе по 6,000 руб. ежегодно. Наконецъ Онъ открылъ множество разныхъ ученыхъ обществъ, гдѣ совокупными силами развивается и двигается всякая наука, и многимъ обществамъ давалъ ежегодное пособіе по нѣскольку тысячъ. Онъ дозволилъ публичныя чтенія, для образованія народа, сопровождаемыя картинами, пѣніемъ и музыкой. И кто исчислитъ, сколько пользы принесли эти народныя чтенія! сколько свѣдѣній разлили въ народѣ! сколько тысячъ людей спасли отъ убійственной потери времени и здоровья за картами и пьянствомъ!

6) Военная часть.

Прежде солдаты набирались только изъ крестьянъ и мѣщанъ, и рекрутчина была самою тяжелою повинностію. Людей сдаваемыхъ въ рекруты, еще задолго до пріема, забивали въ колодки, будто преступниковъ (чтобы не убѣжали); въ день пріема брили имъ лбы; тотчасъ-же угоняли отъ мѣста родины, Богъ знаетъ куда, родные прощались съ ними, какъ съ умирающими; вопль и стонъ стоялъ по всей землѣ.

«И ужасъ народа при словѣ «*наборъ*»
Подобенъ былъ ужасу казни».

На службѣ—начальство и капралы (дядьки) обращались съ рекрутами сурово, жестоко; за небольшіе проступки ихъ нещадно сѣкли, за важныя преступленія ихъ прогоняли сквозь строй, отчего человѣкъ или тутъ же умиралъ, или по нѣскольку мѣсяцевъ страшно мучился; народу пропадало тьма,—можно сказать, что едвали и тяжелая война похищала столько людей, сколько ихъ погибало отъ рекрутскихъ пріемовъ и обращенія съ ними. Служба продолжалась 25 лѣтъ, такъ что поступившій въ солдаты почти навсегда уходилъ изъ своей семьи, а если и возвращался, то

подъ старость, неспособный ни къ чему, по своей немощи. Дѣти солдатъ непремѣнно дѣлались кантонистами, а потомъ также солдатами... Государь Александръ Николаевичъ сильно сокрушался объ этомъ горѣ народномъ и съ первыхъ же дней своего царствованія, постоянно, всѣми силами старался облегчить для народа воинскую повинность. Въ манифестѣ Своемъ о заключеніи мира, Онъ сказалъ, что три года не будетъ производить наборовъ, а на самомъ дѣлѣ не производилъ ихъ 6 лѣтъ, чтобы Россія могла больше оправится послѣ тяжкой войны. Съ самаго начала Онъ улучшилъ содержаніе войска и велѣлъ дать ему болѣе удобную форму (свободные кафтаны вмѣсто тѣсныхъ мундировъ); легкія кепи вмѣсто тяжелыхъ и жесткихъ касокъ. Важнѣйшія преобразованія начались съ морской службы: улучшивъ въ ней содержаніе и обмундировку, Государь разрѣшилъ береговымъ и портовымъ управленіямъ пользоваться большею свободою въ веденіи своего хозяйства; ограничилъ и потомъ отмѣнилъ тѣлесныя наказанія; ввелъ гласное судопроизводство; позволилъ обсужденіе всѣхъ важнѣйшихъ мѣръ; замѣнилъ парусный флотъ паровымъ и броненосныъ; усилилъ дальнія плаванія для большей практики моряковъ; вооружилъ суда стальными орудіями, развилъ въ Россіи сталепушечное производство и заботился о томъ, чтобы мы въ этомъ отношеніи не нуждались въ иностранцахъ. Въ сухопутной службѣ развилъ стрѣлковую часть, три раза измѣнилъ вооруженіе, всякій разъ къ лучшему; отмѣнилъ обученіе разнымъ ненужнымъ для военнаго дѣла пріемамъ; велѣлъ учить солдатъ, кромѣ главнаго военнаго знанія, грамотѣ, ремесламъ, которыя имъ на всю жизнь пригодятся, а также пріучать ихъ къ занятіямъ полезнымъ для здоровья, ловкости, смышлености; уничтожилъ грубое обращеніе, тѣлесныя наказанія; дозволилъ частые домовые отпуски; сократилъ срокъ военной службы съ 25-ти лѣтъ на 15, а потомъ на 6 лѣтъ, и такимъ образомъ скоро возвращалъ въ семью здороваго и смышленаго работника—кормильца. Тотчасъ послѣ войны возвратилъ изъ военнаго вѣдомства въ свободныя и податныя сословія всѣхъ

солдатскихъ дѣтей, вслѣдствіе этого 378 тысячъ однихъ малолѣтковъ возвращены были матерямъ; при этомъ имъ сохранено было казенное содержаніе и дано право поступать въ училища военнаго вѣдомства. Далѣе—упразднилъ военныя поселенія, гдѣ человѣку приходилось быть и пахаремъ и солдатомъ и гдѣ онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ; а между тѣмъ въ этихъ военныхъ поселеніяхъ было до 600 тысячъ душъ и деньги на нихъ тратились огромныя. Для пополненія арміи и флота офицерами, основалъ 37 военныхъ училищъ, 55 морскихъ; преобразовалъ закрытые кадетскіе корпуса въ открытыя военныя гимназіи, чтобы дѣти могли чаще видаться съ родителями; далъ возможность поступать туда всѣмъ желающимъ. Еще въ 1859 г. пожаловалъ военному вѣдомству 7½ милліоновъ рублей для образованія эмеритальной кассы; прибавилъ жалованья всѣмъ офицерамъ, отъ прапорщика до генерала. Для большаго удобства и пользы въ хозяйственномъ и строевомъ управленіи войсками, Государь раздѣлилъ Россію на 10 военныхъ округовъ. Это между прочимъ облегчило переходъ арміи на военное положеніе (мобилизацію). Прежде, содержа милліонную армію, мы, въ виду войны, должны были вооружаться заблаговременно, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; а предъ послѣдней войною мобилизація совершилась съ небольшимъ въ одинъ мѣсяцъ. Для успокоенія народа, Государь съ каждымъ новымъ годомъ облегчалъ тягости рекрутскаго набора, уничтожилъ прежніе ужасные способы для сбора и пріема въ рекруты—колодки, бритье лбовъ, угонку рекрутовъ за тридевять земель отъ родины; каждому поступившему въ солдаты сохранилъ право на его землю, на его участокъ; грамотнымъ изъ нихъ далъ особыя преимущества. Чтобы возвысить военную службу, какъ почетную и священную, запретилъ сдавать въ солдаты людей опороченныхъ и негодныхъ для общества; а изъ тѣхъ нехорошихъ людей, которые нашлись среди арміи, велѣлъ образовать рабочія команды. Для разбора преступленій ввелъ гласный судъ, издалъ военно-судебный уставъ; виновныхъ повелѣлъ удалять на поселеніе или отдавать въ аре-

стантскія роты, конечно—по суду; рѣшительно уничтожилъ гонку сквозь строй. Наконецъ, такъ какъ защита престола и отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго, Государь повелѣлъ, чтобы не одни только податныя сословія, но и купцы и дворяне вступали въ военную службу. Вмѣсто всякаго произвола, пріемъ на службу Государь повелѣлъ рѣшать жеребьемъ который вынимается разъ на всю жизнь; при пріемѣ новобранцевъ велѣлъ обращать вниманіе на ихъ семейныя обстоятельства, образованіе, и далъ такимъ разныя важныя льготы. Составъ арміи въ мирное время сокращенъ болѣе чѣмъ на 700 тысячъ; но къ войнѣ, вслѣдствіе частыхъ наборовъ и недолгой службы, Россія теперь можетъ выставить армію въ три милліона, и притомъ несравненно скорѣе, чѣмъ прежде. Сколько при такомъ порядкѣ сберегается средствъ—и говорить нечего. Государь заботился и о томъ, чтобы ужасы самой войны были какъ можно меньше: по Его мысли, составилось въ 1868 г. международное собраніе (конференція), которое постановило: изгнать изъ употребленія во всѣхъ европейскихъ арміяхъ разрывныя пули, какъ средство мучительное и безчеловѣчное.

Для раненыхъ и больныхъ воиновъ, Государь разрѣшилъ учредить особое Общество Краснаго Креста; велѣлъ приглашать женщинъ быть при больныхъ и раненыхъ сестрами милосердія; поручилъ это Общество вниманію самой Императрицы; разрѣшилъ собирать для него по всей Россіи пожертвованія, Самъ жаловалъ ему крупныя суммы; исполнялъ всѣ его ходатайства; въ честь особенно усердныхъ участниковъ его—какъ мущинъ, такъ и женщинъ—установилъ особый знакъ Краснаго Креста, для ношенія на груди. Для отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ издалъ особое положеніе; для слѣпыхъ воиновъ устроилъ пріюты, гдѣ ихъ пріючаютъ заниматься подручной, легкой работой. Наконецъ въ заботахъ о семействахъ солдатъ, павшихъ на войнѣ или раненыхъ. учредилъ особое Главное Попечительство о семействахъ воиновъ...

Что-жь явилось слѣдствіемъ всѣхъ этихъ распоряженій и

заботъ Царскихъ? А вотъ что: новобранцы оживились надеждою, что они воротятся домой, окончивъ свой срокъ службы, и чтобудетъ имъ—съ чего имѣть кусокъ хлѣба; слезы разлуки ослабѣли противъ прежняго много; служба стала легче; солдаты возвращались бодрыми, грамотными; на службѣ—всѣ сословія сближались, единство народа росло, духъ войска поднимался,—и этимъ единствомъ, этимъ миромъ, этимъ духомъ—гляньте-ка, что̀ чудесъ надѣлали наши герои—солдаты: окончили чуть не столѣтнюю борьбу съ Кавказомъ, (такъ сильно насъ тревожившую, губившую множество денегъ, войска) и завоевали этотъ грозный край вполнѣ; покорили Туркестанъ, Ташкентъ, Самаркандъ, Хиву, Коканъ, Карскую область, освободили отъ турокъ нѣсколько милліоновъ болгаръ, возвратили Россіи Бессарабію и наконецъ недавно разбили текинцевъ, взяли у нихъ сильную крѣпость. Россія увеличилась болѣе чѣмъ на 655 тысячъ квадратныхъ верстъ, а населеніе на 30 милліоновъ душъ.

При этомъ надо замѣтить, что Государь не любилъ войны, и если Ему не разъ приходилось воевать въ Азіи, то единственно съ тою цѣлію, чтобы обезопасить свои границы отъ постоянныхъ нападеній, обезпечить тамъ движеніе торговыхъ каравановъ; а послѣдняя война ведена была съ самою святою цѣлію— освободить славянъ отъ вѣковаго турецкаго рабства.

7) Участіе Государя въ войнѣ.

«Самъ Царь въ рядахъ дружинъ народныхъ
Изнемогавшихъ ободрялъ,
Ихъ утѣшалъ въ трудахъ походныхъ
И ихъ страданьями страдалъ».

На послѣдней войнѣ нашей съ турками слѣдуетъ остановиться, особо, по тому участію, которое принялъ въ ней покойный Государь.—Долго Онъ употреблялъ всѣ возможныя мѣры, чтобы уладить несогласіе съ турками мирно, *чтобы не проливать драгоцѣнной крови сыновъ Россіи* (собственныя слова Государя); но когда всѣ

старанія Его остались безуспѣшными, Онъ объявилъ Турціи войну и Самъ отправился на мѣсто дѣйствія. Благодаря Его присутствію, каждая рѣшительная военная мѣра принималась безъ проволочки времени; труды и заслуги награждались немедленно; уходъ за ранеными совершался быстро и внимательно. Самъ Онъ переносилъ всѣ трудности похода и доволенъ былъ всякимъ помѣщеніемъ разъ, напр., въ осеннюю пору, Онъ предпринялъ поѣздку для осмотра позицій, взятыхъ Его храбрыми войсками. Поблагодаривъ своихъ героевъ, отслушавъ съ ними благодарственный молебенъ и со слезами похоронивъ убитыхъ, Государь остался тамъ же переночевать. А мѣстомъ ночлега былъ турецкій оставленный домъ, въ двѣ горенки всего, безъ оконныхъ рамъ и съ глинянымъ поломъ. Пустыя оконныя отверстія казаки наскоро закрыли газетной бумагой; на полъ разостлали мѣшки изъ-подъ зерноваго корма лошадей; дверь завѣсили Богъ знаетъ откуда добытымъ подобіемъ ковра. Походная кровать какъ-то была захвачена съ собою изъ города, отъ Великаго Князя Главнокомандующаго принесли складной столикъ; отъ полковаго командира взяли два складныхъ стула,—и этотъ скарбъ въ пустыхъ стѣнахъ составлялъ собою всю мебель спальни и пріемной Повелителя ста милліоновъ подданныхъ. И такой ночлегъ, по всей вѣроятности, былъ не единственный за все время пребыванія Государя при арміи. На мѣстѣ и въ походѣ Государь лично вникалъ во всѣ военныя распоряженія, велѣлъ объявлять во всеобщую извѣстность весь ходъ дѣла, лично говорилъ Свое Царское спасибо и оживляющее ласковое слово. Однажды, когда благодарилъ раненыхъ солдатъ за ихъ подвиги, они по обычаю отвѣчали Ему: рады стараться, Ваше Величество; а Онъ сказалъ имъ: «*Нѣтъ, вамъ нечего стараться: вы превосходно исполнили свой долгъ. Россія и Я горячо благодаримъ васъ за все то, что сдѣлано вами*». А во время нашихъ неудачъ Онъ переносилъ глубокія страданія и, конечно мучился отъ нихъ болѣе, чѣмъ кто нибудь другой. Въ ту пору всего чаще посѣщалъ Онъ госпитали и больницы, и когда,

бывало, подъѣзжалъ Онъ къ нимъ, любовь къ Нему солдатъ радость и восторгъ отъ свиданія съ Нимъ дѣйствовали на раненыхъ какъ *живая вода*: всякій, кто могъ шевелиться, старался встать, или приподняться, или ободриться. Общимъ крикомъ обрадованныхъ дѣтей встрѣчали они Его, мгновенно окружали, простирали къ Нему руки, цѣловали Его одежду, благословляли Его имя; крупныя слезы катились по всѣмъ лицамъ; и, видя такую преданность, Государь Самъ плакалъ. Онъ сердечно утѣшалъ и ласкалъ раненыхъ, Самъ навѣшивалъ храбрецамъ георгіевскіе кресты, раздавалъ имъ гостинцы, которые присылала Государыня. При этомъ однажды былъ такой случай: подошелъ Онъ къ молодому офицеру, который былъ тяжело раненъ. «*Ты сильно страдаешь?*» спросилъ Его Государь.—Да, Ваше Величество! Позвольте поцѣловать Вашу руку,—промолвилъ раненый. «*Нѣтъ не нужно*, сказалъ Государь: *Я самъ поцѣлую тебя*».—Живя въ Порадимѣ, Онъ изъ оконъ Своего домика всегда могъ видѣть, какъ тянулись возы подъ брезентами съ Краснымъ Крестомъ; Государь сейчасъ же подходилъ къ повозкамъ и ни одной не пропускалъ безъ вниманія. За Нимъ несли подносы съ подарками отъ Императрицы, съ закусками, съ чаемъ, и Государь заботливо спрашивалъ у раненыхъ, кто чего хочетъ, что́ любитъ и видимо хлопоталъ только объ одномъ, какъ угодить страждущимъ, какъ облегчить ихъ горе. Нерѣдко Онъ участвовалъ въ погребеніи убитыхъ и, становясь на колѣни, плакалъ надъ ними, закрывая глаза дрожащею рукою... Почти девять мѣсяцевъ жилъ Онъ такимъ образомъ съ своими войсками, своими дѣтьми, наконецъ Онъ уѣзжаетъ и прощается съ ними сердечнымъ трогательнымъ приказомъ *). Прощаясь съ лицами Своего конвоя, Онъ говорилъ имъ: «*Мое сердечное спасибо за вашу службу, какъ въ бою, такъ и при Мнѣ. Больше полгода мы пробыли вмѣстѣ. А теперь поцѣлуйте и обнимите Меня всѣ*». И онъ перецѣловалъ

---

*) См. «Иллюстриров. хронику войны» 1877, № 79.

всѣхъ поочередно, прибавивъ въ заключеніе: «*Я посылаю васъ къ Сыну, пока Онъ при арміи. Воображаю какъ Онъ вамъ обрадуется*».

Наконецъ война кончена. Турція раздавлена; плоды побѣдъ достойны великихъ трудовъ, перенесенныхъ войсками; но чтобы удержать ихъ вполнѣ, среди зависти и недоброжелательности Европы (въ особенности—Англіи, Австріи и Германіи), надобно было—быть готовымъ на новую войну. Вся Россія не отказалась бы и отъ этой войны; но Государь лучше всѣхъ зналъ ея недавнія потери, болѣе всѣхъ скорбѣлъ о нихъ, зналъ, что новая война можетъ быть вдесятеро ужаснѣе первой, и жалѣя народъ свой, рѣшился—какъ, ни тяжело Ему было—не настаивать на всемъ томъ, что было добыто дорогою кровью и утверждено Санъ-Стефанскимъ договоромъ съ Турціей; Онъ согласился на большія уступки въ Берлинѣ, которыя однако не подавили освобожденія христіанскихъ народовъ Турціи—болгаръ, сербовъ и черногорцевъ:

И слово «Царь-Освободитель»
Гремитъ и славится и тамъ!

Кромѣ освобожденія славянъ, Государь имѣлъ утѣшеніе исправить всѣ тягостныя условія мира, заключеннаго Имъ въ 1856 году всѣ ограниченія его уничтожилъ, всѣ потери возвратилъ.

8) Питейное дѣло.

Все, что разсказано доселѣ, составляетъ самыя великія дѣла Государя; но много еще было другихъ, не столько славныхъ дѣлъ, однакожъ несомнѣнно важныхъ, имѣвшихъ большое и благодѣтельное значеніе для народа.

Существовали у насъ прежде винные откупа. То есть: право продавать въ извѣстномъ мѣстѣ водку отдавалось правительствомъ съ публичнаго торга тому, кто предлагалъ наибольшую сумму. Очевидно, что каждый откупщикъ всячески старался потомъ выручить эту сумму съ народа, да при этомъ и себѣ добыть

за труды, конечно, побольше. Но дѣло въ томъ, что налогъ на спиртъ издавна въ разныхъ мѣстахъ былъ различенъ, а потому и цѣны на водку были разныя: въ Великороссіи за ведро такой водки, которая теперь обыкновенно продается 4 и 4 съ полтиною, платили тогда до 10 р., а въ Малороссіи и Новороссіи дешевле 2-хъ рублей (кромѣ городовъ, гдѣ были особые откупа). Понятное дѣло, что дешевая водка соблазняла народъ сильно, и многіе старались тайкомъ провозить ее туда, гдѣ она была впятеро дороже. Подобное дѣло—корчемство—подрывало откупщиковъ. А такъ какъ питейный сборъ составлялъ весьма значительную статью въ государственныхъ доходахъ, и правительство было заинтересовано, чтобы откупщики платили исправно, то всѣмъ чиновникамъ наистрожайше предписывалось—оказывать откупщикамъ всевозможное содѣйствіе въ преслѣдованіи ими корчемниковъ. И дѣйствительно: пойманныхъ корчемниковъ наказывали огромнѣйшими штрафами, розгами, отдачею въ арестантскія роты, ссылкой въ Сибирь, а въ случаѣ ихъ вооруженнаго сопротивленія—ихъ сѣкли плетьми и ссылали на каторгу. Дѣла по корчемству считались уголовными преступленіями и рѣшались быстро, а дѣлъ этихъ было чрезвычайно много. Большіе штрафы взыскивались не только съ виновныхъ, но и съ обществъ, къ которымъ они принадлежали, и съ помѣщиковъ ихъ. Откупщики, разумѣется, не дѣлали никакихъ поблажекъ; а чиновники поддерживали ихъ часто и сверхъ закона, потому что откупщики платили имъ щедрое жалованье—и деньгами, и водкой. Короче сказать—откупа были, по выраженію князя В. И. Васильчикова, разбой, открытое грабительство народа, покровительствуемое закономъ и всѣми властями. И при этакихъ льготахъ, откупщики усердно разбавляли водку водою и (до 1859 г.) платили въ казну только 76 милліоновъ питейнаго дохода со всей Россіи; а иногда и того не поступало: за откупщиками накоплялись огромныя недоимки, которыя раскладывались на долгіе сроки, безъ процентовъ. Откупщикъ Гарфункель бѣжалъ за границу, не заплативъ

*

казнѣ 12 милліоновъ, накупилъ себѣ во Франціи домовъ и помѣстьевъ и остался безъ всякаго преслѣдованія. На торгахъ на новое четырехлѣтіе (1859—1863) откупщики вдругъ набавили болѣе 40 милліоновъ, разсчитывая на большія прибыли отъ освобожденія крестьянъ и проведенія желѣзныхъ дорогъ. Но ожиданія ихъ не совсѣмъ оправдались. Чтобы наверстать свое, они стали еще больше размѣшивать водку водою, продавать ее по цѣнамъ гораздо большимъ противъ условія и т. п. Эти злоупотребленія вызвали въ народѣ, въ разныхъ мѣстахъ, противодѣйствіе и безпорядки, и правительство было вынуждено укрощать народъ строгими мѣрами. Наконецъ, въ откупа пустились и такіе люди, какъ управляющій дѣлами комитета министровъ и директоръ департамента, конечно—чрезъ подставное лицо. Такое положеніе питейнаго дѣла очень заботило и огорчало покойнаго Государя. Онъ хорошо помнилъ, какъ въ Крымскую войну откупщикъ поилъ изнемогавшихъ солдатъ, вмѣсто подкрѣпительнаго вина, омерзительною смѣсью водки низшаго достоинства съ мутною водою, и наживалъ себѣ милліоны и баронство. Государь съ горестію видѣлъ, что откупа разоряютъ и развращаютъ народъ и, по совѣту князя В. П. Васильчикова, немедленно за освобожденіемъ крестьянъ далъ указъ—отмѣнить откупа, какъ наносящіе великій вредъ Россіи. Откупщики перепугались,—съѣхались въ Петербургъ, сулили, что они выстроятъ на свой счетъ большую линію желѣзныхъ дорогъ; кромѣ ихъ, довольно еще было противниковъ Государю въ этомъ дѣлѣ среди самыхъ вліятельныхъ лицъ: но Государь остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи. Онъ былъ непоколебимъ всегда, когда дѣло шло о благѣ *народномъ* (освобожденіе крестьянъ, освобожденіе славянъ, питейное дѣло и проч.). Онъ повелѣлъ, чтобы съ 1863 года казна сама завѣдывала питейнымъ сборомъ; предоставилъ право заниматься винокуреніемъ всѣмъ платящимъ гильдію; право продавать по мелочамъ дано всякому, кто возьметъ установленный на это патентъ; назначилъ одинаковый акцизъ по всей Россіи; положилъ хорошее жалованье

акцизнымъ надзирателямъ, которые должны наблюдать за правильнымъ производствомъ и торговлею питей и поступленіемъ акциза въ казну. Вслѣдствіе этихъ мѣръ явились вотъ какія существенныя выгоды: 1) при одинаковомъ по всей Россіи акцизѣ, исчезло прежнее корчемство со всѣми своими ужасами—погонею, дракою, убійствами, штрафами, тюрьмами, ссылками. 2) Казна стала получать дохода несравненно больше прежняго: въ 1862 г. откупщики вносили въ казну 123 милліона, а теперь акцизный сборъ даетъ болѣе 220 милліоновъ. 3) Водка стала дешевле, тогда какъ прежде, въ Великороссіи, она была почти недоступна по цѣнѣ; а по нашему климату, по тяжелой работѣ народа, по грубой пищѣ его, чарка вина составляетъ необходимость. 4) Весь питейный сборъ поступаетъ въ казну, а не теряется на цѣлую треть въ карманахъ откупщиковъ и потакавшихъ имъ чиновниковъ. 5) Народъ избавился отъ лишней переплаты и притомъ за дрянную водку, избавился отъ кордоновъ, нахальныхъ обысковъ, объѣздчиковъ съ длиннымъ металлическимъ щупомъ и отъ разныхъ стѣсненій. 6) Однимъ великимъ соблазномъ стало меньше для народа, для откупщиковъ и для чиновниковъ. Народу остается только помнить старую пословицу: «Пей, да ума не пропей».

9) Пути сообщенія; телеграфы; государственные доходы; торговля; выставки; почты.

Кому изъ насъ случалось ѣзжать по старымъ столбовымъ дорогамъ, тотъ помнитъ, что эта за мука была! Выѣдешь, бывало, изъ дому, послѣ долгихъ и хлопотливыхъ сборовъ, и цѣлую недѣлю плетешься до Кіева. А коли случалось поѣхать въ Петербургъ, такъ и мѣсяцъ пропадалъ на поѣздку, особенно въ непогодь или въ стужу и вьюгу; возвращаешься домой, избитый, измученный, не мало потерявшій здоровья. Шоссе было у насъ рѣдко-гдѣ, да и

то скоро портилось, рѣдко ремонтировалось, хотя плату за проѣздъ собирали исправно. Деньги отдашь, а ѣдешь стороной... А совершенное бездорожье весною и осенью, когда еле передвигались одни почты да курьеры! А длинные обозы съ грузами, которые нерѣдко бросались среди дороги по причинѣ распутицы! А пѣшіе рабочіе, которые тянулись сотни и тысячи верстъ, съ котомками за плечами, на отхожіе промыслы! Горько добывался хлѣбъ на широкомъ просторѣ и бездорожьѣ нашей матушки Россіи!.. Обратилъ и на эту тягость свое вниманіе покойный Государь,—и велѣлъ строить желѣзныя дороги. До него—желѣзная дорога была только отъ Питера до Царскаго Села и другая отъ Питера до Москвы. И эта послѣдняя дорога строилась подъ Его наблюденіемъ, когда Онъ еще былъ Наслѣдникомъ.

Но и съ этою дорогою, до восшествія на престолъ Государя, желѣзныхъ дорогъ у насъ было всего на все 629 верстъ, а при немъ отстроено ихъ болѣе 22,000 верстъ (кромѣ 780 верстъ въ Финляндіи). Теперь—куда хочешь, поспѣешь скоро. Отъ Петербурга до Одессы, отъ моря до моря, промчишься въ 4 дня, ни дождь тебя не промочитъ, ни морозъ тебя не согнетъ, а въ вагонахъ сойдешься иногда въ веселыми или полезными тебѣ людьми. Вдоль желѣзныхъ дорогъ, во многихъ мѣстахъ, появились обширныя фабрики, промышленныя заведенія и разные заводы. При станціяхъ—десятки мастерскихъ, сотни и тысячи рабочихъ, сотни извощиковъ для пассажировъ. Такимъ образомъ какъ облегчена возможность зарабатывать кусокъ хлѣба! Какъ легче стало пріобрѣтать разныя необходимыя и полезныя вещи: всего тебѣ навезетъ чугунка во всякій городъ по пути! Сколько сбережено здоровья, времени, денегъ и труда у всякаго ѣдущаго! Всякому понятно, чѣмъ больше сбережешь времени, тѣмъ больше дѣла сдѣлаешь, чѣмъ скорѣе и спокойнѣе доѣдешь, тѣмъ болѣе здоровья сохранишь, чѣмъ чаще пустишь въ оборотъ деньги, тѣмъ больше заработаешь.—Кромѣ пользы желѣзныхъ дорогъ для торговли, какъ важны являются они для народнаго продовольствія въ

голодные годы, какъ благодѣтельны въ военное время, когда въ двѣ-три недѣли черезъ нѣсколько тысячъ верстъ перевозится двухсотъ-тысячное войско, неизнуренное, сытое, бодрое, и вѣрнѣе охраняетъ честь и безопасность родины.—Сообщенія по воднымъ путямъ противъ прежняго по крайней мѣрѣ утроились и стали гораздо удобнѣе. Явились новые портовые города—Либава, Поти, Петровскъ, Батумъ.

Захотѣлъ-ли ты познакомиться съ дѣлами и порядками европейскими,—выѣздъ за границу облегченъ и открытъ для всѣхъ. Государь провелъ желѣзныя дороги до разныхъ концовъ границы, въ Одессѣ разрѣшилъ завести общество пароходства и торговли, удешевилъ паспорты противъ прежняго всотеро: прежде за паспортъ заграничный платили 500 р., а теперь 5, за каждые полгода, а коли ты ѣдешь ко Св. мѣстамъ, въ Іерусалимъ, съ тебя за паспортъ берутъ только полтину. Обществу пароходства и торговли Государь назначилъ пособіе въ нѣсколько милліоновъ рублей, чтобъ оно содержало достаточно пароходовъ и возило желающихъ въ Крымъ, на Кавказъ, въ Турцію, Италію, Францію, Англію и даже въ Азію и Африку, и теперь изъ Одессы поспѣешь въ Іерусалимъ на 10-й день, съ остановками на пути въ торговыхъ городахъ по цѣлымъ часамъ и суткамъ... Поминайте-же, русскіе люди, Государя и дома и въ дорогѣ!

Желѣзныя дороги сильно подвинули народное хозяйство, но Государь сдѣлалъ для него еще многое другое, особенно для торговли и промысловъ. Не только по желѣзнымъ дорогамъ, но и въ сторону, въ разные города и мѣстечки, Государь велѣлъ провести телеграфъ; наши линіи телеграфа соединены со всѣми заграничными; въ день—въ два получишь вѣсть съ любого конца свѣта (въ Іерусалимѣ 3-го марта уже знали о смерти Царя).

Быстрый телеграфъ какъ-разъ пришелся по широкой Россіи: проволоки телеграфныя растянулись болѣе чѣмъ на сто тысячъ верстъ, телеграфныхъ станцій у насъ теперь до 1,000, да кромѣ ихъ около 50 почтовыхъ конторъ, гдѣ принимаются телеграммы,

для доставленія по эстафетѣ на ближайшую станцію; служащихъ при станціяхъ—болѣе 7,500 душъ (въ томъ числѣ женщинъ около 700); телеграммъ передается уже болѣе 7 милліоновъ въ годъ; чистаго дохода отъ телеграфа до 2-хъ милліоновъ рублей ежегодно.

Преобразованія и усовершенствованія, вводимыя Государемъ, требовали огромныхъ расходовъ, а велики-ли были наши государственныя средства при началѣ Его царствованія? Въ 1857 году на государственные расходы у насъ было всего 158 милліоновъ, изъ нихъ 117 милліоновъ на армію и флотъ, а 41 на всѣ прочія нужды государства. Смѣты составлялись негласно, безъ объясненія, на что именно. Остатки отъ суммъ въ любомъ министерствѣ ускользали отъ вѣдѣнія государственнаго казначейства. Многіе государственные доходы вовсе не поступали въ него. Удивительно-ли, что намъ никакъ нельзя было свести концы съ концами. Короче сказать: сколько у насъ было государственныхъ доходовъ, сколько расходовъ—самъ министръ финансовъ не зналъ. Не укрылось такое положеніе отъ Государя. Чтобы правильнѣе велось государственное хозяйство, Государь въ 1862 г. велѣлъ ежегодно составлять и публиковать смѣту о государственыхъ доходахъ и расходахъ, чтобы всѣ знали, сколько получается мірскихъ денегъ и сколько ихъ и на что расходуется. Затѣмъ—установилъ новый порядокъ производства государственныхъ расходовъ и, для повѣрки ихъ, преобразовалъ государственный контроль. Теперь одно только министерство финансовъ удовлетворяетъ всѣ государственные расходы изъ своихъ казначействъ: это называется *единствомъ кассы*. Въ 1862 г. государственныхъ доходовъ у насъ считалось 272 милліона, а въ 1880 году—627 милліоновъ. Ну и расходы, конечно, стали больше, да это—дѣло наживное, лишь-бы производить ихъ съ толкомъ, да знать куда идутъ, да чтобы общее благосостояніе усиливалось. И слава Богу, у насъ теперь, даже послѣ недавней войны, стоившей намъ болѣе тысячи милліоновъ, приходъ съ расходомъ сводится безъ долгу.

А все таки Государь былъ озабоченъ большими расходами и учредилъ коммисію для изысканія средствъ къ сокращенію расходовъ.

Въ своей заботѣ о бѣдныхъ сословіяхъ, Государь повелѣлъ пріискивать мѣры, чѣмъ-бы замѣнить подушные сборы. Въ послѣдній годъ Своей жизни Государь уничтожилъ налогъ на соль, эту главнѣйшую потребность народа; соль становится дешевле, и всякій бѣднякъ ее легче добудетъ и станетъ здоровѣе и самъ онъ и скотъ его.

Для правильнаго и успѣшнаго веденія торговли, Государь издалъ новый торговый уставъ, назначилъ ревизоровъ для наблюденія за его исполненіемъ; утвердилъ общій тарифъ для Россіи и Польши; предоставилъ право всѣмъ сословіямъ заниматься торговлею. Прежде за право торговли получалось въ казну 4 милліона, а теперь 14 съ половиною. На постройку коммерческаго училища въ Петербургѣ, Государь пожертвовалъ 150 тысячъ рублей—остальные 150 тысячъ собраны по подпискѣ биржеваго купечества. Для расширенія кредита, составляющаго душу торговли, Государь основалъ государственный банкъ, разрѣшилъ открытіе въ селахъ—ссудо-сберегательныхъ товариществъ, въ городахъ—городскихъ банковъ и конторъ, въ большихъ торговыхъ мѣстахъ—акціонерныхъ банковъ, обществъ взаимнаго кредита; здѣсь-же появились городскія кредитные общества и поземельные банки, для ссуды денегъ подъ залогъ домовъ и земель. Всѣхъ банковъ теперь считается до 280; ссудо-сберегательныхъ товариществъ болѣе 860. Капиталовъ въ акціонерныхъ компаніяхъ считалось прежде на 10 милліоновъ, а теперь на 3,154 милліона. Каждая компанія имѣетъ свое выборное управленіе, массу служащихъ, свою бухгалтерію, контроль. Посмотрите хоть на минуту на этихъ служащихъ, на эти милліонные отчеты, вслушайтесь въ разсужденія на компанейскихъ съѣздахъ, окиньте взглядомъ всю ихъ многосложную дѣятельность: и вы яснѣе поймете, сколько жизни, сколько силы вызвано Государемъ въ торговой и промышленной Россіи. Какъ широко и шибко развилась народная смѣ-

калка!... Великія выгоды для торговли доставило также пріобрѣтеніе Государемъ обширныхъ владѣній въ Азіи, съ 5 милліонами жителей, гдѣ теперь совершенно спокойно двигаются купеческіе караваны.

Для поощренія промышленности, Государь велѣлъ чаще прежняго устраивать выставки. Коли ты что сдѣлалъ на славу, вези на выставку—хоть въ столицу; тебѣ тамъ присудятъ награду, деньги, медаль золотую; тебя узнаютъ разомъ сотни тысячъ народа; со всѣхъ сторонъ станутъ у тебя покупать твою работу; лучшихъ мастеровъ самъ Государь назначаетъ поставщиками къ Его Двору и даетъ имъ право объявлять это на вывѣскахъ. А плохо твои дѣла пошли, сдѣлался ты даже несостоятельнымъ должникомъ, Государь и тебѣ оказываетъ снисхожденіе: Онъ запретилъ сажать несостоятельнаго должника въ яму, т. е. лишать его личной свободы трудиться, а повелѣлъ взыскивать долги только съ его имущества или заработковъ. При всѣхъ этихъ царскихъ мѣрахъ и внѣшняя торговля пошла шибко: въ 1856 году у насъ привозъ и отпускъ заграницу не доходилъ и до 283 милліоновъ, а въ 1878 г. онъ оказался больше 1,213 милліоновъ; т. е. внѣшняя торговля увеличилась почти вшестеро. Таможенный доходъ давалъ прежде 16 милліоновъ, а теперь 88 милліоновъ. Для торговли—да и для всѣхъ насъ—весьма важно и то, что Государь уменьшилъ плату за телеграммы, за пересылку по почтѣ писемъ и посылокъ, ввелъ почтовыя марки, штемпельные конверты, открытыя письма. Въ 1858 г. конвертовъ и марокъ продано на 1,400,000, а въ 1877 году на 5,200,000 р. Прежде бывало, когда платили за письма деньгами, куда какъ часто пропадали письма, да и платили-то за письмо 30, 40 и 50 к., а теперь 7 коп. куда хочешь, хоть на край свѣта... Намъ нѣтъ теперь только одного пути, одной дороги, по которой можно-бы послать свое русское спасибо Государю Александру Николаевичу... Но до престола Божія, гдѣ онъ теперь, можно единымъ вздохомъ досягнуть, лишь бы послала его душа вѣрующая...

10) Заботы объ иновѣрцахъ, инородцахъ, преступникахъ.

Мы не въ силахъ даже перечислить всѣ полезныя и благія дѣянія Государя, тѣмъ болѣе, что исторія о Немъ еще не писалась. Мы по зернышку собираемъ то отсюда, то оттуда, а иное приводимъ по памяти. Вотъ почему мы приведемъ здѣсь, безъ сомнѣнія, не всѣ Его заботы о тѣхъ, о комъ прежде мало и думали. Но отъ свѣта взора Его, отъ теплоты сердца Его не укрылись и они. Такъ напр. единовѣрцамъ онъ даровалъ свободное богослуженіе; старшій сынъ Его, покойный Цесаревичъ Николай, приходилъ въ церковь ихъ въ Москвѣ, принялъ отъ нихъ икону и Самъ прислалъ имъ икону святителя Николая, изображенную въ старинномъ родѣ живописи; по волѣ Его, икону эту передалъ единовѣрцамъ митрополитъ московскій Филаретъ, отслужилъ у нихъ молебенъ и говорилъ имъ проповѣдь о единствѣ церковномъ. Самъ Государь принималъ депутацію отъ раскольниковъ, милостиво говорилъ съ ними, называлъ ихъ Своими дѣтьми, прекратилъ тѣ суровыя преслѣдованія, какимъ они прежде подвергались; велѣлъ признавать гражданскіе раскольничьи браки, если только они утверждены особыми записями; дѣтямъ ихъ позволилъ посѣщать общественныя школы; ежегодно принималъ депутацію отъ нихъ въ Свѣтлый Праздникъ; повелѣлъ пересмотрѣть все дѣло о раскольникахъ въ нашихъ законодательныхъ мѣстахъ, чтобы сдѣлать ихъ полноправными гражданами русской семьи. Такимъ образомъ—какъ владыка разновѣрнаго царства, Государь обнаруживалъ величайшую терпимость ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ: солдатамъ—евреямъ и магометанамъ—позволено оставаться въ своей вѣрѣ, исполнять свои обряды; синагоги и мечети ихъ пользовались полнымъ покровительствомъ царской власти и Самъ Государь иногда посѣщалъ ихъ.

Евреямъ даны облегченія въ военной службѣ; дѣтямъ ихъ открытъ доступъ ко всякому образованію; они появляются на

службѣ, засѣдаютъ въ думахъ, въ земскихъ собраніяхъ: евреямъ-купцамъ 1-й гильдіи дозволено приписываться ко всѣмъ городамъ; изданы правила о лучшемъ устройствѣ ихъ начальныхъ училищъ; всѣмъ евреямъ, въ мѣстахъ ихъ жительства, позволено заниматься всякими промыслами,—а ремесленникамъ изъ нихъ разрѣшено жить и за чертою ихъ осѣдлости.

Всѣмъ народамъ, входящимъ въ составъ Россіи, дана и упрочена личная свобода, открытъ доступъ къ высшимъ чинамъ и почестямъ.

Даже къ государственнымъ преступникамъ Государь былъ кротокъ и милосердъ. Въ первые-же годы царствованія Онъ простилъ множество сосланныхъ въ Сибирь, возвратилъ имъ прежнія ихъ права, чины, отличія; повелѣлъ возвратить взятыя у нихъ деньги, съ наросшими за 30 лѣтъ процентами. И *несчастные* могли говорить тогда такія слова:

«Насталъ святой великій мигъ,
Въ скрижаляхъ царства незабвенной,
И до Сибири отдаленной
Прощенья благовѣстъ достигъ.
Взрыдавъ душею умиленной,
Мы пали ницъ благодаря
Насъ не забывшаго Царя».

Государь дозволилъ также и выходцамъ-полякамъ возвратиться на родину—живи только покойно, не волнуй никого. Въ самую бурную пору польскихъ волненій, Государь былъ истинно добръ и снисходителенъ къ полякамъ. Узнавъ о неумѣренныхъ требованіяхъ волнующихся, Онъ сказалъ: «*Я не желаю видѣть въ этомъ ничего болѣе, какъ только увлеченіе*». Потомъ, когда мятежъ сдѣлался явнымъ, возмутительнымъ, Государь все-таки ограничивалъ строгія мѣры, послалъ Намѣстникомъ въ Варшаву Своего брата, какъ залогъ всякаго добра полякамъ, и даже послѣ того, какъ они стрѣляли въ только что пріѣхавшаго къ нимъ Царскаго брата, Государь призывалъ ихъ опомниться и обѣщалъ прощеніе всѣмъ

тѣмъ, кто раскается въ теченіи мѣсяца. Къ сожалѣнію, поляки не притихли; волненіе ихъ дало поводъ западнымъ державамъ обратиться къ Россіи съ непрошенными совѣтами; а поляки, повѣривъ европейцамъ и въ ожиданіи (попусту) отъ нихъ близкой помощи, стали воевать съ нами и—были сломлены силою оружія. Государь даровалъ польскимъ крестьянамъ свободу, слилъ Польшу съ Россіею и потомъ, по новымъ манифестамъ, даровалъ милость почти всѣмъ виновникамъ мятежа. Государь спѣшилъ на встрѣчу всякому искреннему раскаянію, вполнѣ забывалъ прошлое и готовъ былъ съ радостію обнять всякаго возвращающагося, какъ тотъ евангельскій отецъ—своего блуднаго сына. Лѣтомъ 1867 года, въ надеждѣ на прощеніе Государя, добровольно возвратился въ Россію бѣжавшій изъ нея писатель Кельсіевъ; въ сентябрѣ ему было сказано: «Вы свободны; все ваше прошлое забыто; можете идти, куда хотите и дѣлать все, что вамъ угодно: Государь васъ простилъ. Вамъ нечего толковать, какое великое значеніе имѣетъ Его милость и какое невѣроятное событіе представляетъ ваше помилованіе».—Государь жалѣлъ даже и тѣхъ, которые оставались нераскаянными или впадали въ новые проступки, подвергались суду и заключаемы были въ тюрьмы; Государь не покидалъ ихъ и тамъ и велѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ улучшить тюрьмы. До Него, бывало преступники всякаго рода сидѣли вмѣстѣ въ сырой и душной тюрьмѣ, иногда томились тамъ нѣсколько лѣтъ, потомъ—по суду—подвергались наказанію плетьми, клейменію лица, ссылкѣ въ отдаленныя губерніи и въ Сибирь. Шли они туда, скованные попарно; шли въ стужу и непогоду, въ зной и дождь, шли годъ и болѣе, пока достигали назначеннаго имъ мѣста.—При Государѣ Александрѣ Николаевичѣ, тюрьмы раздѣлены были на нѣсколько степеней, смотря по мѣрѣ преступленій: явились тюрьмы предварительнаго заключенія, тюрьмы исправительныя, пересылочныя и, наконецъ, каторжныя. Почти во всѣхъ ихъ арестанты занимаются работами, учатся грамотѣ; для женщинъ—тюрьмы особыя; для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ заве-

дены исправительные ремесленные пріюты и земледѣльческія колоніи. Тѣлесныя наказанія плетьми и кошками уничтожены для самыхъ отчаянныхъ преступниковъ. Сроки работъ въ арестанскихъ ротахъ сокращены втрое. Ссыльные не отправляются уже пѣшкомъ, а перевозятся или въ особыхъ вагонахъ, или на троечныхъ повозкахъ, или на баржахъ. Вслѣдствіе всего этого они сохраняютъ свое здоровье, успѣшнѣе трудятся, не ожесточаются какъ прежде. Такимъ образомъ милосердіе Государя не покидало ихъ ни въ тюрьмахъ, ни въ дорогѣ, ни за тысячи верстъ, за долами, за горами...

«Блаженъ народъ когда самъ Богъ влагаетъ
Свою любовь въ духъ кроткаго Царя,
И Царь людей улыбкой озаряетъ,
Какъ солнца лучъ—и земли, и моря!»

11. Государь, какъ христіанинъ, труженикъ и человѣкъ.

«Онъ сердцемъ жилъ—не могъ иначе жить».

Во всей жизни Государя вѣра была движущею силою Его дѣяній. При всѣхъ тяжкихъ испытаніяхъ, до самой смерти, Онъ былъ полонъ невозмутимой вѣры въ Бога. Объявляя о заключеніи мира въ 1856 г. и призывая Россію къ внутреннему обновленію, Онъ оканчиваетъ Свой манифестъ такими словами: *Наконецъ и сіе есть первое, живѣйшее желаніе Наше, свѣтъ спасительной Вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность— сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастья»*. И говоря это, Онъ Самъ былъ всегда глубоко-религіознымъ человѣкомъ; посѣщая Сергіеву Лавру, Онъ не разъ, въ глухую полночь, наединѣ, по нѣскольку часовъ молился у раки препод. Сергія. Но еще ярче проявилась религіозность Его *во множествѣ* истинно-добрыхъ дѣлъ.

Въ самый день коронованія Его признано было необходимымъ перевести всю Библію на русскій языкъ. Переводъ изданъ и

доступенъ всякому по своей малой цѣнѣ (два рубля съ полтиной за весь Ветхій и Новый Завѣтъ). Вѣрующимъ открыта полная возможность читать и усвоивать слово Божіе. Въ 1869 г. Государь разрѣшилъ Общество распространенія Священнаго Писанія; небогатое средствами и членами, но полное святою ревностію, оно сильно и широко распространило въ народѣ русскій переводъ Новаго Завѣта. Блага христіанской вѣры Государь желалъ распространить и на всѣхъ инородцевъ и язычниковъ въ Своемъ царствѣ. Онъ первый обратилъ на это вниманіе и заботливость Святѣйшаго Синода: «*Желалъ бы весьма*»—писалъ Онъ, прочитавши, что язычниковъ присоединено къ христіанской вѣрѣ отъ 6 до 7-ми тысячъ—«*чтобы число это было больше, и обращаю на важный этотъ предметъ особое вниманіе Святѣйшаго Синода*». И по Его волѣ, учреждено было Общество возстановленія православія на Кавказѣ, Миссіонерское Общество въ Москвѣ, усилены число и средства проповѣдниковъ въ Сибири, Камчаткѣ и Японіи. Въ тоже время многія тысячи русскихъ въ Литвѣ обратились отъ несроднаго имъ латинства къ православію; въ Холмской Руси возвратились въ православіе уніаты; въ Прибалтійскомъ краѣ воздвигнуто нѣсколько новыхъ церквей, отчасти на пожертвованія Царя и Его семейства. Собственно въ Россіи открыто нѣсколько новыхъ епархій, значительно увеличено число викарныхъ архіереевъ; разрѣшены церковно-приходскія попечительства; возстановлены старинныя братства; заведены воскресныя бесѣды. На улучшеніе быта духовныхъ учебныхъ заведеній даровано шесть милліоновъ рублей, учреждены съѣзды духовенства, разрѣшено устройство свѣчныхъ епархіальныхъ заводовъ; учителямъ и профессорамъ жалованье увеличено вдвое и втрое; дозволено поступать въ духовныя заведенія всякому, чья душа просится. Для развитія духовной науки и словесности, разрѣшено болѣе сотни духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей, учреждено Общество любителей духовнаго просвѣщенія. Для облегченія нуждъ духовенства было учреждено особое Присут-

ствіе, которому повелѣно изыскивать способы къ лучшему обезпеченію быта духовенства: назначены новые щедрые оклады причтамъ въ Прибалтійскомъ и Западномъ краяхъ и при нашихъ церквахъ заграничныхъ; установлены пенсіи за службу епархіальную; увеличены способы призрѣнія вдовъ и сиротъ духовенства; приступлено къ преобразованію духовнаго суда. Дѣти духовенства освобождены отъ принужденія оставаться въ своемъ сословіи: имъ предоставлены права личнаго дворянства, почетнаго гражданства, право вступать во всѣ роды службы, не испрашивая увольненія изъ духовнаго званія и даже право не служить, не подвергаясь за это припискѣ въ податное сословіе. Эта послѣдняя мѣра избавила духовное вѣдомство отъ многочисленной и несчастной молодежи, исключенной изъ семинарій и училищъ и тѣснившейся изъ-за куска хлѣба въ пономарняхъ и колокольняхъ изъ опасенія попасть въ податное сословіе: молодежь эта поступила въ гимназіи, въ университеты, на службу, въ экономіи на заводы, на желѣзныя дороги и проч. и спокойно зарабатываетъ себѣ хлѣбъ и помогаетъ своимъ роднымъ.

Даже на далекихъ поклонниковъ Государь обратилъ Свое милостивое вниманіе. Заботясь объ ихъ нуждахъ въ Іерусалимѣ и по всей Св. Землѣ, Онъ воздвигъ тамъ каменные дома и повелѣлъ нанимать другіе для пріюта поклонниковъ русскихъ; въ одномъ Іерусалимѣ устроены три большіе каменные дома, церковь лѣтняя и зимняя, больница со всѣми принадлежностями, аптекой и лекаремъ.

Заботъ Государя о греческой церкви мы не знаемъ; помнимъ только, что въ 1860 г. Онъ настоялъ, чтобы патріархи цареградскіе не были низвергаемы болѣе съ престола по произволу визирей и султановъ, какъ низвергаемы были до тѣхъ поръ въ теченіи 400 лѣтъ.

Все это и многое—многое другое сдѣлалъ Государь въ 26 лѣтъ своего царствованія! Еще не скоро сосчитаютъ и разскажутъ сколько милостей, сколько добра, сколько пользы получила отъ

Него вся Россія въ 26 лѣтъ. А знаете ли вы, что̀ такое 26 лѣтъ въ жизни великаго государства? Это все равно, что 26 недѣль въ жизни одного человѣка, и даже гораздо меньше!... Государства развиваются медленно, цѣлыми сотнями лѣтъ. А знаете-ли вы, что такое годъ жизни Государя? Это по крайней мѣрѣ тоже что десять лѣтъ въ жизни простого человѣка. Какъ-бы ни было много заботъ у каждаго изъ насъ, но что значатъ онѣ въ сравненіи съ заботами Государя!... Недавно одинъ изъ министровъ разсказалъ намъ, какъ работалъ Государь Александръ Николаевичъ.

«Никто изъ насъ не трудится, какъ Государь. Я одинъ изъ близкихъ свидѣтелей этихъ трудовъ, всегда дивлюсь, *какъ находитъ Государь время дѣлать все, что Онъ дѣлаетъ.* Каждое утро проводитъ Государь, принимая доклады своихъ министровъ, а насъ у него 15; нѣкоторыхъ изъ нихъ Онъ принимаетъ по два и по три раза въ недѣлю. Сколько журналовъ комитета министровъ и разныхъ другихъ высшихъ комитетовъ и коммиссій, сколько многотомныхъ меморій государственнаго совѣта поступаетъ еженедѣльно на Высочайшее воззрѣніе и утвержденіе. Обширные отчеты министровъ, генералъ-губернаторовъ и 60-ти губернаторовъ Россіи ежегодно представляются Государю и отсылаются Имъ въ комитетъ министровъ, *испещренные многочисленными Его отмѣтками и указаніями.* Сколько депешъ и донесеній нашихъ пословъ и посланниковъ съ разныхъ концовъ Европы и другихъ частей свѣта каждый день читаетъ Государь! *Ни одна отвѣтная нота, ни одна депеша не отсылается безъ предварительнаго Его просмотра и одобренія.* Сколько другихъ разныхъ записокъ, рапортовъ и донесеній получаетъ постоянно Государь! Прибавьте къ этому совѣщанія министровъ, Государемъ у себя собираемыхъ. Прибавьте пріемы, смотры войскъ, маневры, посѣщеніе госпиталей, учебныхъ заведеній; прибавьте къ этому, что *праздниковъ Государь не знаетъ и никогда не отмѣняетъ установленныхъ дней доклада.* И въ новый годъ, и въ дни Своего рожденія и ангела, на Благовѣщенье,—когда птица гнѣзда себѣ не вьетъ,

и въ Духовъ день—когда земля не пашется, трудится Государь, *какъ въ будни.* И въ путешествіяхъ продолжаетъ Государь работать съ сопровождающими Его министрами; прочіе дѣла и доклады представляютъ Ему въ непрерывномъ порядкѣ, *и никогда, нигдѣ не знаетъ Онъ отдыха».*

Въ царственныхъ заботахъ о благоденствіи отечества, Ему чаще чѣмъ кому другому, приходилось и куска не доѣдать и ночей не досыпать...

Мало того, что ни трудъ, ни заботы не оставляли Государя никогда и нигдѣ, но къ Нему, ежедневно, со всѣхъ концовъ Россіи, стекалось все то, что въ ней дѣлается, чѣмъ она болѣетъ, въ чемъ нуждается, чѣмъ радуется. А какъ вы думаете: радости или горя больше доставляла Ему наша широкая, разноплеменная Россія?...

Трудясь изо дня въ день, въ теченіи долгихъ и тяжелыхъ 26 лѣтъ, Государь Александръ Николаевичъ вполнѣ исполнилъ завѣщаніе, которое сдѣлалъ Ему отецъ Его передъ своей смерью: «*Служи родинѣ*». Онъ послужилъ ей честно и всѣми силами. Еще до вступленія своего на престолъ, Онъ уже 20 лѣтъ прослужилъ отечеству такъ, что нигдѣ, никогда и ни отъ кого не послышалось ни малѣйшей на Него жалобы. Онъ во всю свою жизнь, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что могъ. Если-же Его преобразованія не принесли вполнѣ желаннаго плода, если были препятствія въ ихъ развитіи, если на ихъ пути являлись уклоненія, то вина въ томъ падаетъ единственно на тѣхъ, кто не съумѣлъ понять и оцѣнить желаній Государя, кто не былъ проникнутъ такою любовію къ народу, какъ Онъ Самъ, и кто старался примѣшать къ царскому дѣлу свои корыстные расчеты и цѣли. Самъ-же Государь, какъ человѣкъ, а не Всевидящій и не Вездѣсущій, какъ-бы ни заботился о благѣ народа, не могъ услѣдить за всѣмъ, что дѣлается на всемъ огромномъ пространствѣ Россіи и во всей многочисленной массѣ людей, Ему подвластныхъ. А сколько бывало, скроютъ отъ Него! Сколько представятъ не въ томъ видѣ!... Но

Онъ сдѣлалъ-бы еще гораздо больше, еслибы Ему и всей Россіи не мѣшали такъ часто и нагло разныя волненія и покушенія, которыя—какъ нарочно—начались сейчасъ-же за освобожденіемъ крестьянъ, такъ жестоко и безпощадно огорчали Его въ теченіи *пятнадцати* лѣтъ и довели до мученической смерти...

«Въ любви евангельской къ народу,
Въ смиреньи думъ Твоихъ о немъ,
Ты воскресилъ его свободу,
Его счастливилъ годъ отъ году,
А самъ тернистымъ шелъ путемъ».

Да! знаменитъ Онъ Своими дѣлами, знаменитъ Онъ и горемъ Своимъ, которое терпѣливо несъ столько лѣтъ! Съ первыхъ-же дней Его царствованія, на главу Его легъ вѣнецъ терновый, и тяжести его не облегчилъ наслѣдственный вѣнецъ царей—прародителей, не смягчилъ новый вѣнецъ Царя-Освободителя. Глубже и глубже вонзались иглы терноваго вѣнца въ Его главу и проникали въ сердце. Справедливо о Немъ сказано:

Ты былъ Величествомъ дѣлами,
Ты былъ Величествомъ въ скорбяхъ...

А каково Ему было переносить ихъ?!...

Припомнимъ теперь хотя немногіе случаи, гдѣ Онъ виденъ просто какъ Человѣкъ, гдѣ дышетъ Его доброе, теплое сердце.

Еще бывши Наслѣдникомъ, 19 лѣтнимъ юношей, Онъ ѣдетъ по Сибири, и оттуда, не понуждаемый никѣмъ, пишетъ къ Отцу-Государю и со всею свободою Сына молитъ Его любящею душою о милости къ сосланнымъ преступникамъ,—и Отецъ внялъ Его слову—облегчилъ ихъ участь и уменьшилъ сроки наказанія.... Какъ тогда матери были рады! какъ онѣ молились за Наслѣдника!....

Чуть только Онъ возвратился въ Петербургъ изъ путешествія, загорѣлся Зимній Дворецъ, и въ ту же ночь, почти въ тотъ же часъ, загорѣлась какая-то лачуга въ Галерной Гавани. Узнавъ объ этомъ, Наслѣдникъ немедленно оставилъ пылающій дворецъ

и, на верховой жандармской лошади, поскакалъ помогать горѣвшему бѣдняку.

Позже нѣсколько Онъ нечаянно узнаетъ, что одинъ сочинитель очень боленъ и притомъ совершенный бѣднякъ.... Мало-ли намъ случается слышать о подобныхъ случаяхъ! мы на нихъ и рукой не махнемъ! А Государь въ тотъ же день послалъ къ больному своего доктора, адъютанта, пособіе, утѣшеніе и помогъ человѣку спокойнѣе умереть, человѣку, котораго никогда не зналъ и не видалъ.

Въ 1854 г., все еще бывши Наслѣдникомъ, Онъ пишетъ собственноручное письмо къ прапорщику Щеголеву (который тогда отличился подъ Одессою), и какія слова мы встрѣчаемъ въ этомъ письмѣ: «*Любезный Щеголевъ... голубчикъ Щеголевъ... спасибо тебѣ.... обнимаю тебя....*» и при этомъ посылаетъ ему съ Своей груди георгіевскій крестъ и прибавляетъ: «*прими его какъ подарокъ признательнаго отца почтенному сыну....*»

Да, умѣлъ Государь задушевно говорить!

Уже бывши Императоромъ, Онъ, когда бывало кѣмъ нибудь очень доволенъ, напишетъ къ нему такой милостивый, сердечный рескриптъ, что вчуже слеза пробьется, а Онъ еще подпишетъ его: «*любящій васъ и благодарный Александръ....*» Это до него неслыханные примѣры Царскаго благоволенія!

Пріѣзжаютъ въ Россію славянскіе ученые,—Государь встрѣчаетъ ихъ словами: «*весьма радъ видѣть славянскихъ братьевъ въ родной славянской землѣ*»: вѣдь это голосъ сердца братскаго, а не одинъ привѣтъ Владыки полусвѣта! Мало того: Онъ представилъ имъ все Свое семейство, Самъ служилъ имъ, по русскому обычаю, за роскошнымъ столомъ и былъ необыкновенно радушенъ въ бесѣдѣ съ ними.—

Съ 1866 года начинаются покушенія на жизнь Его,—что же Онъ? На привѣтствія со всѣхъ концовъ Россіи съ чудеснымъ спасеніемъ, Онъ отвѣчаетъ: «*Я съ новыми силами буду продолжать трудиться для блага Россіи, которую люблю выше всего... Я теперь достойно награжденъ за всѣ Мои труды и за безпредѣль-*

ную любовь къ Россіи». Черезъ годъ совершается второе покушеніе, Онъ спокойно говоритъ: *«Если Богу угодно взять Меня: Я готовъ»*. Много можно бы привести доказательствъ Его чистой, любящей души, но Онъ старался ихъ скрывать. Появились было недавно двѣ хорошіе книги о Немъ—о первыхъ годахъ Его жизни и объ участіи Его въ послѣдней войнѣ; но Онъ, по скромности Своей, не велѣлъ пускать ихъ въ продажу.

Главнѣйшая черта Его характера состояла въ томъ, что Ему невыносимо было насиліе надъ человѣкомъ; вотъ потому-то Онъ уничтожилъ крѣпостное право, тѣлесныя наказанія, издалъ цѣлый рядъ освободительныхъ мѣръ. *Онъ любилъ людей!...*

Долго медлилъ Онъ съ началомъ послѣдней войны: жаль и больно Ему было проливать *дорогую кровь сыновъ Россіи;* Онъ какъ бы опасался отвѣтственности предъ цѣлой Россіей, и только встрѣтивъ безграничное самоотверженіе народа, внимая голосу народному, рѣшился на войну. Мы уже видѣли, что на этой войнѣ Онъ посѣщалъ госпитали не только какъ Государь, но какъ человѣкъ, глубоко чувствующій страданія людей... Присутствуя при погребеніи убитыхъ, Онъ всякій разъ становится на колѣни, молится, плачетъ и провожаетъ ихъ до могилы.

Подъ конецъ 25-ти-лѣтняго Его царствованія, изверги пытаются взорвать дворецъ Его, гдѣ лежала умирающая Государыня, калѣчатъ и губятъ нѣсколько невинныхъ людей;—а Государь немедленно принимаетъ на Себя заботу о семействахъ пострадавшихъ, щедро награждаетъ уцѣлѣвшихъ, сохраняетъ полную вѣру въ народъ Свой и, въ отвѣтъ на многочисленныя адресы, отзывается ласково, благодарно, съ прежнею теплотою сердечной.

Зная, что людей особенно тревожитъ тайная дѣятельность III-го Отдѣленія, которое иногда арестовывало и ссылало безъ суда, Онъ его уничтожаетъ; Онъ намъ вѣритъ,—вѣритъ, что мы сами Его сохранимъ.... и предается новымъ заботамъ о благѣ и счастіи народа; довольно напомнить уничтоженіе солянаго налога.

Милостивъ и человѣколюбивъ Онъ былъ даже къ тѣмъ злодѣямъ, которые посягали на Его жизнь; въ 1880 году Онъ великодушно даровалъ жизнь тѣмъ, которые Его Самого хотѣли убить, и утвердилъ рѣшеніе военнаго суда только для тѣхъ, которые убили другихъ. Въ самый день смерти, Его уговариваютъ не выѣзжать, Онъ отвѣчаетъ: «*Я себя отдалъ волѣ Божіей*»,— и ѣдетъ; едва опомнившись отъ взрыва, Онъ жалѣетъ о несчастныхъ раненыхъ идетъ къ нимъ и—наклоняется надъ умирающимъ *мальчикомъ*. Наконецъ Самъ истерзанный, изувѣченный и везомый во дворецъ, Онъ замѣчаетъ передъ Собою раненаго офицера, забываетъ Свои нечеловѣческія страданія, слабымъ голосомъ спрашиваетъ его: «*Ты раненъ*»? И не получивъ отвѣта, Онъ снова повторяетъ Свой вопросъ, дышущій родительскимъ участіемъ «*Ты раненъ*»?... Это были *послѣднія* слова Царя Освободителя.

Словомъ сказать: отъ самой ранней молодости, не смотря на всѣ тяжкія огорченія, вплоть до мученической кончины Своей, Онъ остался неизмѣнно добрымъ человѣкомъ.

Во всей Его дѣятельности—власть Царя какъ будто притаилась, а сіяло сердце человѣка, кроткое, любящее, смиренное, а подъ конецъ—печальное и страдальческое. Всего короче можно опредѣлить Его такими словами:

«Онъ былъ найлучшій изъ людей,
Онъ былъ—Вѣнчанная Свобода,
И правилъ родиной Своей
Ко благу цѣлаго народа!»

Съ этакимъ-ли Царемъ, съ этакимъ-ли Отцомъ не жить было на свѣтѣ!....

«О, лейтесь изъ сердецъ и слезы, и моленья
За кроткаго Царя... Страдальца... за Того,
Кто ангельской души нѣжнѣйшія движенья
Всѣ—благу посвятилъ народа Своего....»

12) Характеръ царствованія; отзывы иностранцевъ; по поводу убіенія.

Въ заключеніе—составимъ себѣ *краткое* понятіе о томъ, что̀ это было за царствованіе. Для этого припомнимъ только главнѣйшія дѣла Государя: крестьяне *освобождаются* отъ крѣпостной зависимости; общественное хозяйство *освобождается* отъ прежнихъ стѣсненій; судъ *освобождается* отъ произвола и неправды; податныя сословія *освобождаются* отъ исключительной тяжести воинской повинности; писатели *освобождаются* отъ цензурныхъ притѣсненій; неисправные должники *освобождаются* отъ личнаго задержанія; преступники *освобождаются* отъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній и позорныхъ клеймъ и т. д. и т. д... Теперь вы видите, почему Государя назвали *Царемъ-Освободителемъ.*

Далѣе. Онъ не только уничтожаетъ прежнее, но ставитъ на мѣсто его—*новое*, уничтожаетъ дурное, ставитъ *лучшее*; всѣ порядки *преобразовываетъ* и постоянно совершенствуетъ, заботясь, чтобы мѣры Его клонились ко благу *всей* русской земли, Онъ вводитъ ихъ осмотрительно, постепенно, послѣ внимательнаго размышленія въ кругу нѣсколькихъ лицъ, знающихъ дѣло. Россія развивалась не столько грамотою и наукою, сколько многочисленными *преобразованіями*, которымъ починъ полагалъ всегда Самъ Государь училъ насъ самою жизнію, Имъ возбужденною, Имъ разлитою по всей Россіи. Отъ Его преобразованій росъ народный умъ. Исчезала внѣшняя сословность, являлось единство и цѣлость народа. Люди образованные, помѣщики, чиновники и купцы стали трудиться вмѣстѣ съ крестьянами въ земскихъ собраніяхъ, на судѣ и въ рядахъ войска. Преимущество стало даваться не происхожденію, а образованію и дарованію. Народъ сталъ помогать Царю править хозяйствомъ государства. Старики изъ васъ хорошо знаютъ, что вся Россія теперь во всѣхъ отношеніяхъ совсѣмъ не та, какою была прежде: она явилась свободнѣе, грамотнѣе, умнѣе, дѣятельнѣе... да просто—и сравнивать

нельзя! Вотъ почему Государя называютъ *Царемъ-Преобразователемъ.*

Наконецъ, будучи Неограниченнымъ, Самодержавнымъ Монархомъ обширнѣйшаго въ мірѣ царства, Онъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ руководится *сердцемъ;* Онъ является благодѣтелемъ и другомъ простаго русскаго народа; какъ мать любитъ меньшаго сына болѣе прочихъ, такъ и Онъ прежде всего пожалѣлъ и освободилъ крестьянъ; кровь солдатъ ему дорога какъ родная; Онъ жалуетъ и православныхъ, и раскольниковъ, и католиковъ, и евреевъ; передъ закономъ и судомъ Онъ равняетъ всѣхъ; ко всѣмъ равно справедливъ; для Него всѣ мы—какъ пять пальцевъ на рукахъ, всѣ мы—Его дѣти. За 26 лѣтъ вся Его забота—какъ бы облегчить нужды всего народа; вся Его радость—какъ бы просвѣтить темнаго человѣка. И ему болѣе всѣхъ Царей удалось поднять слабыхъ, оживить задавленныхъ, обрадовать бѣдныхъ. Вотъ потому-то и называютъ Его *Царемъ-Благодѣтелемъ.*

Коротко сказать: царствованіе Его было *освободительное, преобразовательное* и *благодѣтельное, однимъ словомъ—сердечное.*

Хорошо оно все разсказано въ слѣдующихъ стихахъ:

«Пріемля власть—наслѣдье трона—
Ты ясной мыслью въ даль прозрѣлъ;
Сознаіъ, что скипетръ и корона—
Труда и тяготы удѣлъ.

—

Но духомъ Ты не устрашился,
И, давъ свой царственный обѣтъ,
Ты, Царь, воистину трудился
И Русь хранилъ отъ грозъ и бѣдъ.

—

Благотворя, освобождая
И учреждая судъ и строй,
Русь обновилъ Ты. Жизнь иная
Въ ней мощно вызвана Тобой.

Препоны сняты вѣковыя...
А тамъ—среди Твоихъ знаменъ—
Лучъ счастья возсіялъ впервые
Для близкихъ намъ, родныхъ племенъ»...

Но, можетъ быть, такъ душевно цѣнимъ Государя Александра Николаевича только одни мы, вѣрноподданные русскіе? Нѣтъ, не одни; послушайте иностранцевъ, вотъ что говоритъ о Немъ первый министръ Англіи—одинъ изъ умнѣйшихъ людей во всемъ свѣтѣ—Гладстонъ:

«Каковы бы ни были господствующіе въ Россіи порядки, вина за нихъ никоимъ образомъ не можетъ падать на Императора Александра II-го. Самоотверженную жизнь Его наполняла одна забота, одно дѣло—улучшить наслѣдіе, полученное отъ отцовъ, на благо своихъ подданныхъ и человѣчества. Царствованіе Его будетъ всегда признаваться славнымъ и достопамятнымъ царствованіемъ, какъ въ исторіи Россіи, такъ и въ исторіи Европы. Представляетъ-ли новѣйшая исторія царствованіе болѣе славное, болѣе замѣчательное столь великими законодательными преобразованіями, какъ царствованіе Императора Александра II-го? Память о Немъ будетъ жить въ нѣжной любви и въ сочувствіи и удивленіи къ Нему Его народа и въ сочувствіи и удивленіи къ Нему иностранцевъ».

Бывшій прежде первый министръ Англіи, Биконсфильдъ, называлъ Его *самымъ добродѣтельнымъ* изъ государей, занимавшихъ русскій престолъ.

Въ газетѣ Бисмарка, перваго министра Пруссіи, читаемъ: «Никогда еще монархъ такой необыкновенной сердечной доброты и человѣколюбія не занималъ россійскаго престола; никогда настоятельное сердечное желаніе подарить своему народу, вмѣстѣ съ благороднѣйшими благами человѣчества, благоденствіе и миръ, не осуществлялись въ русскомъ самодержцѣ такъ живо и съ такимъ самопожертвованіемъ, какъ въ Императорѣ Александрѣ II-мъ,

и никогда еще Государь не былъ цѣлью такой лютой вражды, такой адской кровожадности, какъ этотъ Мученикъ».

Въ другой прусской газетѣ пишутъ: «Одно освобожденіе крестьянъ заслуживаетъ Ему вѣчную благодарность русскаго народа», и затѣмъ перечисляются прочія преобразованія, которыми Россія Ему обязана.

Французы говорятъ о немъ: «Исторія воздаетъ справедливость и хвалу характеру и личнымъ качествамъ Александра II-го, который связалъ Свое имя съ освобожденіемъ крестьянъ. Онъ принялъ отъ Своего родителя тяжкое бремя; Онъ несъ его съ честью. Его дѣло переживетъ Его».

Въ австрійскихъ газетахъ читаемъ: «Великодушный благородный и человѣколюбивый Монархъ похищенъ!... Одного освобожденія крестьянъ достаточно, чтобы поставить почившаго Императора наряду съ благороднѣйшими благодѣтелями человѣчества».

Американцы отзываются о Немъ: «Судьба этого благороднаго и доблестнаго Государя принята въ Америкѣ съ глубокою скорбью. Міръ будетъ помнить Его, какъ освободителя крѣпостныхъ, дальновиднаго и благодѣтельнаго Государя; Америка не забудетъ Его, какъ единственнаго Повелителя, въ которомъ она потеряла преданнаго и могущественнаго Друга».

Вотъ какъ отзываются умнѣйшіе иностранцы о нашемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ!...

И этого Царя-Человѣка, этого Государя, чтимаго чужими во всемъ бѣломъ свѣтѣ, убили свои, русскіе люди! Отца убили дѣти!... Боже нашъ! что́ же это такое?

«Убитъ Онъ, спасенный отъ столькихъ ужъ бѣдъ,
Погибъ за народъ страстотерпцемъ,
Онъ, давшій народу свободу и свѣтъ,
Любившій Россію всемъ сердцемъ!»

О, позоръ, позоръ нашей странѣ! Ты ли это, *святая* Русь! Стыдно, совѣстно становится русскому глядѣть на свѣтъ Божій.

Оскверненные стоимъ мы предъ всѣмъ міромъ, гдѣ повсюду имя Усопшаго чтится съ благоговѣніемъ....

«Убитъ... убитъ!... Да! Русскій Царь убитъ—
Нашъ кроткій, добрый Царь! Теперь, истекшій кровью,
Онъ бездыханный трупъ! Онъ—царственной любовью
Животворившій Русь—истерзанный лежитъ...
Враги внутри.... и адскій ковъ за ковомъ,
И царскій сталъ вѣнецъ Ему вѣнцомъ терновымъ!
И вотъ—убитъ!... и мы стоимъ вокругъ Него
Въ оцѣпенѣніи—и видимъ ужъ въ грядущемъ:
Исторія корить насъ вѣчно будетъ Имъ,
Воздвигнувъ ликъ Его не—свѣтлымъ и цвѣтущимъ,
Свѣтящимся лишь помысломъ благимъ,
Улыбкою кругомъ веселье раздающимъ,
А съ кроткой грустію, со взглядомъ прямо къ Намъ:
«*За что жъ? какое зло Я, дѣти, сдѣлалъ вамъ?*»

Что мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ Его?....

Мѣсяцы проходятъ,—и все не можемъ привыкнуть къ этой мысли: *убитъ!* Вспоминаемъ всю Его жизнь и думаемъ: какой государь европейскій въ наше время сдѣлалъ больше славныхъ дѣлъ, больше благодѣяній, чѣмъ Онъ! Какое правительство во всемъ свѣтѣ сдѣлало *столько!* Его ни съ кѣмъ и сравнить нельзя: Онъ всѣхъ лучше, всѣхъ добрѣе... И Его не оцѣнили, не поняли, убили!... Бѣдный русскій народъ! ты еще хорошо не знаешь, какого Государя ты лишился!... Но скорбь твою раздѣляютъ всѣ народы. И замѣчательно: «изъ всѣхъ европейскихъ странъ, ни въ одной убійство не пробудило большаго негодованія и большаго соболѣзнованія, какъ въ Англіи»— говорилъ недавній противникъ нашъ, Лордъ Биконсфильдъ. «Мы должны выразить наше негодованіе на счетъ черной неблагодарности къ такому Государю»— говорилъ Гладстонъ—«убійство достигло неслыханной въ исторіи жестокости и безчеловѣчія»...

Прости, Господи: неразъ подумаешь, какъ Ты допустилъ до этого! И ничего другого не придумаешь въ объясненіе, какъ только то, что говоритъ народъ: видно, Богу угодно было сдѣлать Его Мученикомъ, молитвенникомъ за всю русскую землю. Святая мысль! Думается еще и другое: Богъ взялъ Его въ лучшія минуты жизни, когда Онъ очистилъ душу Свою говѣніемъ, покаяніемъ, причащеніемъ Св. Таинъ; Онъ умеръ въ день воскресный, выслушавши обѣдню; Царь православный умеръ въ недѣлю православія; за нѣсколько минутъ передъ смертью оказалъ сострадание къ раненымъ... Вотъ нѣкоторыя явленія, въ которыхъ хочется видѣть нѣчто успокоительное.

Вспоминаемъ все добро, Имъ сдѣланное, и видимъ, какъ его много, и чувствуемъ, что оно будетъ жить цѣлые вѣка.

«Освободитель нашъ угасъ!
Но радуга безсмертной славы
Его дѣяній разлилась
По тучамъ Сѣверной Державы».

И ужъ ее ничто ни затмитъ ни въ нашемъ скорбящемъ народѣ, ни въ самомъ строгомъ судѣ позднѣйшей исторіи.

Припоминая Его дѣянія, живя среди нихъ, ощущая всю пользу и благо отъ нихъ, чувствуешь, что Самъ Онъ не весь умеръ:

«Его душа жива, жива въ Его дѣяньяхъ,
Въ милльонахъ душъ живыхъ, освобожденныхъ Имъ,
И слившихся теперь въ молитвахъ и рыданьяхъ
Надъ Избавителемъ замученнымъ своимъ...»

А сердце все-таки не успокоивается и, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе цѣнитъ Царя-Освободителя и жалѣетъ...

Сколько добра надѣлалъ и посѣялъ Онъ, а Его убили!

Родимый нашъ! зачѣмъ?

Самые убійцы Твои не скажутъ, зачѣмъ.

Они вредили намъ почти во все царствованіе: черезъ нихъ задержано наше постепенное развитіе, черезъ нихъ отмѣнены нѣкоторыя добрыя мѣры, черезъ нихъ потрясено общественное спо-

койствіе и всякое дѣло... а ихъ единомышленники радуются убійству, поздравляютъ другъ друга, цѣлуются, и грозятъ перебить царей и въ другихъ земляхъ, истребить всякую власть, разграбить всякую собственность, и все изподтишка.. «*Это—отвратительная и бездушная шайка, дикари и полупомѣшанные:*» это не наши слова, такъ говорятъ о нихъ американцы, самый свободный народъ въ свѣтѣ. Изъ-за нихъ, этихъ безумцевъ, палъ позоръ на всю Россію. Теперь заграницу хоть не ѣзди: тамъ часто заставляютъ нашихъ краснѣть за звѣрское Цареубійство, тамъ надъ всякимъ русскимъ учрежденъ строжайшій надзоръ... Весь народъ нашъ взятъ въ подозрѣніе! И это еще въ дружеской странѣ—въ Пруссіи!..

Что же, не виноваты-ли въ самомъ дѣлѣ и мы?

Народъ нашъ говоритъ: *Оттого Царя нашего убили, что царь въ головѣ у насъ давно уже убитъ*».

Именно царь въ головѣ убитъ. Какъ иначе назвать, если не убійствомъ, когда говорятъ намъ: Бога нѣтъ, добра и зла нѣтъ, душа—паръ, бракъ—предразсудокъ, почитать родителей—вздоръ, отечество—дрянь, старина—пустяки, человѣкъ—скотъ, вѣчная жизнь—враки. Что же это, какъ не убійство царя въ головѣ, т. е. здраваго смысла!

А знаете-ли, какое слово чаще всего слышится о насъ? «*Избалованный народъ*!» Такъ мы сами честимъ другъ друга. И это горькая правда. Государь излилъ на насъ столько милостей, и что же? мы не только были неблагодарны Ему, мы были недовольны Имъ—одни за то, что преобразованія шли очень быстро, другіе за то, что преобразованія шли очень медленно; многіе за то, что преобразованія Его требовали отъ насъ жертвъ, задѣвали нашъ карманъ. Мы не думали о томъ, что наши жертвы дадутъ современемъ сторицею плодъ, не намъ, такъ дѣтямъ нашимъ; нѣтъ! намъ сейчасъ давай, и давай пару пятаковъ на грошъ. Давно ужъ сказано: «Ни солнышку на всѣхъ не угрѣть, ни Царю на всѣхъ не угодить»; а въ настоящее-то разнузданное время тѣмъ паче. И

наша жизнь была—лукавая всегдашняя борьба съ Царемъ: Онъ старался сблизить всѣхъ, мы пошли врозь, врозь съ Нимъ, врозь другъ съ другомъ, врозь въ семьѣ. Онъ хотѣлъ, чтобы мы заботились о другихъ, а мы о личной наживѣ. Онъ—трудиться, а мы—судить да рядить Его мѣры. Онъ посадилъ насъ за столъ, а иные изъ насъ—и лапы на столъ, и давай подстрекать другихъ, зубоскалить надъ несогласными, преслѣдовать власть и мутить народъ. Онъ жилъ для общаго блага, а мы для своего удовольствія; Онъ вѣрилъ въ Бога, а мы о Богѣ и думать забыли, мы «свободно мыслили», *съ чужого голоса.* Нельзя сказать, чтобы мы перестали вѣрить въ Бога, нѣтъ, мы забыли Его въ своемъ сердцѣ, мы завалили Его самолюбіемъ, корыстью и всякой суетой ежедневною... О, кто отвалитъ камень отъ нашего сердца! Когда воскреснетъ въ немъ Христосъ, Учитель любви и правды! Когда Онъ изгонитъ бичемъ все недостойное, чѣмъ переполнилась наша жизнь: легкомысліе людей образованныхъ, неосторожность печатнаго слова, произволъ разнаго начальства, нерадивую работу подчиненныхъ, небрежное воспитаніе дѣтей, отсутствіе надзора за самимъ собою, разнузданное самолюбіе всѣхъ! Не стало удержу личной волѣ—и разрознилась семья; расшатались семейства—и зашаталось государство. А сколько разъ Онъ предостерегалъ насъ! сколько разъ просилъ всѣхъ помощи! Мы не помогли Ему; не вняли Ему; мы потакали молча Его врагамъ; мы продолжали жить своею испорченною жизнію: вотъ почему и мы виновны въ смерти Царя, и это сознаніе давитъ насъ, и не сбросить намъ этого камня до смерти своей. Справедливо и сильно сказано:

«Не смолкнетъ никогда въ насъ голосъ укоризны.
Съ тѣхъ поръ, какъ кровь Царя намъ сердце обожгла».

И мы можемъ повторить о себѣ Евангельское слово: *«кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ»...*

Чѣмъ же успокоить себя хотя сколько нибудь? Чѣмъ помянуть намъ Царя, сдѣлавшаго столько добра?

Отвѣтъ простой и кроткій: молитвой о душѣ Его, добрымъ дѣломъ въ память Его, вѣрной службой Внуку Его, нынѣшнему Государю нашему, Императору Николаю II.

Да! молитесь, братья, за покойнаго Царя, и дѣтей своихъ учите молиться за Него: вѣдь только по милости Его они и людьми будутъ. Запишите Его имя въ свои поминальныя грамотки. А Онъ будетъ за васъ молиться тамъ!

На прощанье, наша мысль невольно обращается къ Тебѣ, Царь-Освободитель нашъ. Вотъ, поминая Тебя, мы собирали и разсматривали Твои дѣянія, какъ драгоцѣнные камни. Перечисленіемъ ихъ мы думали принести Тебѣ лучшую дань благодарности, чѣмъ какія бы то ни было слова наши. Твоими дѣлами хотѣлось намъ помянуть и почтить Тебя: Твоимъ добромъ—Тебѣ челомъ! Тебѣ было сказано, когда Ты еще былъ младенцемъ далекимъ отъ трона:

«И Ты Себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и Цари».

Это слово явилось пророчествомъ. Ты оправдалъ его всею Своею дѣятельностію, незнавшею устали, неслабѣвшею въ любви и уваженіи къ человѣку. Сердце Твое, преданное народу, было чище и ярче всѣхъ драгоцѣнныхъ камней царскаго вѣнца. И прежде, и еще болѣе нынѣ:

Въ тебѣ Россія чтитъ Царя
И любитъ просто Человѣка.

Какъ Царь, Ты былъ обиленъ милостію; какъ человѣкъ, Ты смягчалъ и въ царскомъ сердцѣ самый законъ. А мы Тебя не сберегли! Шелъ-ли ты или ѣхалъ, на Тебя посягали злодѣи. Пятнадцать лѣтъ Тебѣ не давали покою. Въ тебя стрѣляли, подъ Тебя подкапывались, на Тебя выходили съ нѣсколькими бомбами. Наконецъ намъ слышится Твое предсмертное слово: «*Помогите!*»... Ты, освободившій *однимъ словомъ Своимъ* десятки милліоновъ людей, вопіешь о помощи! Ахъ, этотъ вопль Твой молотомъ бьетъ намъ въ сердце... Онъ долго—долго будетъ раздаваться въ ушахъ

нашихъ, будить по ночамъ, не давать покоя совѣсти... Глядя на Тебя, истекшаго кровью, на эти израненныя руки и лицо, на эти отбитыя ноги и вспоминая, *Кого* потеряли мы, мучительно чувствуемъ, что смерть Твоя—нашъ общій стыдъ, грѣхъ, ужасный грѣхъ на насъ всѣхъ...

Въ этомъ сознаніи падаемъ къ подножію Твоего гроба, Царь сердецъ нашихъ, и на вѣки прощаемся съ Тобою:

Прости, Царь возлюбленный! прости, Царь-Освободитель и Благодѣтель, Царь-Страдалецъ и Мученикъ! прости! Ты видишь наше народное покаяніе, наши душевныя рыданія. А на небѣ праздникъ когда грѣшникъ плачетъ. Подыми же насъ изъ глубины нашего горя и стыда, облегчи наши души Своею молитвою. Испроси намъ мира, мира и мира,—мира нашимъ дѣтямъ, мира людямъ дѣла, мира людямъ слова! Ты вопіялъ къ намъ «*Помогите!*», но мы не умѣли и не успѣли помочь Тебѣ; теперь Ты Одинъ явись лучше всѣхъ насъ и намъ *помоги!* Молитвой чистой и незлобной души Своей, помоги Царю спокойно и славно царствовать; помоги намъ примириться съ Тобою. Мы не знаемъ, какъ утолить свою жгучую печаль, какъ заглушить душевные укоры, какъ изгладить адское клеймо позора. Насъ нѣсколько облегчаетъ лишь вѣковое слово: «*Народъ согрѣшитъ—Царь умолитъ*!» Молись же о насъ, охраняй насъ, Несохраненный нами!...

—⊷◇⊷—

Цѣна 20 коп.

2007050659